

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ПОЛУНОЧИ

*Сидни Шелдон —
писатель №1
в мире!*

Оборотная сторона полуночи

Сидни Шелдон

Оборотная сторона полуночи

«АСТ»

1974

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шелдон С.

Оборотная сторона полуночи / С. Шелдон — «АСТ»,
1974 — (Оборотная сторона полуночи)

Суд над американским летчиком Ларри Дугласом и его любовницей, обвиняемыми в убийстве ни в чем не повинной женщины...Но... было ли убийство? И что явилось его причиной?Страшно, когда любовь ведет к преступлению. Но за все нужно платить!Читайте роман «Оборотная сторона полуночи», положенный в основу голливудского блокбастера!

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Шелдон С., 1974
© АСТ, 1974

Содержание

Пролог	6
Книга первая	12
1	12
2	21
3	45
4	55
5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сидни Шелдон

Оборотная сторона полуночи

Джордже, которая доставляет мне массу удовольствий

Sidney Sheldon

THE OTHER SIDE OF MIDNIGHT

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1974

© Перевод. И.В. Гулянци, 1995

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Афины, 1947 год

Через запыленное ветровое стекло машины начальник полиции Георгиос Скури наблюдал, как в деловой части Афин в каком-то медленном танце по очереди падают административные здания и отели, словно выстроенные в несколько рядов гигантские кегли в некоем комическом кегельбане.

– Через двадцать минут будем на месте, – пообещал ему сидевший за рулем полицейский в форме. – На улицах совсем нет транспорта.

Скури рассеянно кивнул, не отрывая глаз от домов. Этот оптический обман всегда зачаровывал его. В мерцающем зное безжалостного августовского солнца плавные воздушные волны обволакивали дома, и казалось, что те низвергаются на улицы красивейшим водопадом из стекла и стали.

Часы отсчитали десять минут после полудня, и на пустынных улицах лишь изредка попадались прохожие. Завидев три полицейские машины, на полной скорости несущиеся на восток, в направлении аэропорта Элленикон, расположенного в тридцати километрах от центра Афин, разомлевшие от жары пешеходы не проявляли особого любопытства и лишь провожали их мимолетным взглядом. Начальник полиции ехал в первой машине. В рядовых обстоятельствах он остался бы в своем удобном и прохладном кабинете, послав подчиненных работать под открытым небом в столь ослепительный и жаркий полдень. Однако на этот раз обстоятельства оказались далеко не рядовыми и потребовалось личное присутствие Скури по двум причинам. Во-первых, в течение дня в аэропорт будут прибывать самолеты с высокими гостями из разных стран мира. Необходимо позаботиться о том, чтобы их достойно встретили и без лишней волокиты провели через таможню. Во-вторых, и это самое главное, в аэропорт нагрянут репортеры и операторы кинохроники. Скури отнюдь не был дураком и, бреясь сегодня утром, решил, что, если в киножурнале покажут, как заботливо он обращается со знаменитостями, это несколько не помешает его карьере. Судьба преподнесла ему редкий подарок – на вверенной ему территории происходит событие мирового значения, и было бы просто глупо не воспользоваться такой сенсацией. Он подробно обсудил представившуюся возможность с двумя самыми близкими ему людьми – женой и любовницей. Анна, безобразная и злобная женщина средних лет, родившаяся в крестьянской семье, приказала ему держаться подальше от аэропорта и не высываться, чтобы никто не мог обвинить его, если что-то пойдет не так. Мелина, его добрый и прекрасный ангел, посоветовала ему лично приветствовать знаменитостей. Она согласилась с ним, что подобное событие может сразу же вознести его на вершину славы. Если Скури справится со своими обязанностями, ему по крайней мере обеспечена прибавка к зарплате, а если Бог того пожелает, его могут назначить комиссаром полиции, когда нынешний комиссар уйдет на пенсию. Он в сотый раз пожалел, что судьба так жестоко посмеялась над ним, дав ему в жены Анну и сделав Мелину его любовницей.

Сейчас Скури думал о том, что ему предстоит сделать в ближайшие часы. Следовало убедиться, что в аэропорту все пройдет гладко. Он взял с собой дюжину своих лучших людей. Скури прекрасно понимал, что главное – контроль над прессой. Его поразило огромное количество журналистов из ведущих газет и журналов, понаехавших в Афины со всего мира. Самому Скури пришлось шесть раз давать интервью, и каждый раз ему задавали вопросы на ином языке. Его ответы переводились на немецкий, английский, японский, французский, итальянский, русский. Едва он стал входить во вкус своего нового положения знаменитости, как

ему позвонил комиссар полиции и предупредил, что начальнику полиции не стоит делать публичные заявления по поводу судебного процесса об убийстве, который еще не начался. Скури не сомневался, что комиссаром руководила ревность, но решил не спорить с ним и в дальнейшем отказался от интервью. Однако комиссар, конечно, не станет выражать недовольства, если он, Скури, окажется в аэропорту в самой гуще событий в то время, когда операторы кинохроники будут снимать прибывающих знаменитостей.

Машина на скорости выехала на проспект Сигру и резко повернула налево к морю в направлении Фалерона. У Скури засосало под ложечкой. До аэропорта оставалось лишь пять минут езды. Он пересчитал в уме всех знаменитостей, прибывающих сегодня в Афины до наступления темноты.

Арман Готье страдал от воздушной болезни. В его душе давно укоренился страх перед полетом, что объяснялось чрезмерной любовью к самому себе и собственной жизни. Эта любовь вместе с воздушными бурями, обычными летом у побережья Греции, привела к тому, что его сильно тошнило. Арман был рослым человеком. Высокий лоб, аскетическая худоба делали его похожим на ученого, с губ не сходила язвительная усмешка. В двадцать два года он стал одним из основателей «новой волны», внесшей свежую струю в развитие французской кинематографии, а затем добился еще большего успеха на театральном поприще. Признанный теперь одним из лучших в мире режиссеров, он всю пользовался своим положением. Если не считать последних двадцати минут, Готье остался доволен полетом. Стюардессы узнали его и старались угодить, притом не только в пределах своих служебных обязанностей, но и явно намекая, что вполне доступны для другой «деятельности». Некоторые пассажиры подходили к нему во время полета, чтобы выразить свое восхищение его фильмами и театральными постановками. Однако сам он заинтересовался хорошенькой английской студенткой, которая училась в колледже Святой Анны Оксфордского университета и писала диссертацию на получение ученого звания магистра гуманитарных наук. Ее научная работа была посвящена театру, и основное место в ней отводилось Арману Готье. Они оживленно беседовали, и все шло хорошо до тех пор, пока студентка не заговорила о Ноэль Паж.

– Ведь вы были ее режиссером! – воскликнула девушка. – Надеюсь, мне удастся попасть на суд. Вот будет цирк!

Готье почувствовал, что изо всех сил сжимает ручки кресла. Его самого удивило, что замечание студентки столь сильно на него подействовало. Даже по прошествии стольких лет воспоминания о Ноэль причиняли ему острую боль, которая со временем становилась все сильнее. Никто никогда так не волновал его, и никому уже не оставить столь глубокого следа в его сердце. С тех пор как три месяца назад Готье прочитал об аресте Ноэль, он не мог думать ни о чем другом. Он посылал ей телеграммы и письма, предлагая посильную помощь, но ни разу не получил ответа. Готье не собирался присутствовать на суде, но не удержался и отправился в путь. Самому себе он объяснял это желанием увидеть, изменилась ли она с той поры, как они жили вместе. Однако в глубине души он признавал, что была и другая причина. Его артистическая натура толкала его на суд, чтобы стать свидетелем предстоящей там драмы. Ему хотелось взглянуть на выражение лица Ноэль, когда судья объявит ей, будет она жить или нет.

По селекторной связи командир корабля резким, звенящим голосом известил пассажиров о том, что через три минуты самолет совершит посадку в Афинах, и, сгорая от нетерпения снова увидеть Ноэль, Готье так разволновался, что забыл о своей воздушной болезни.

Доктор Израэль Кац летел в Афины из Кейптауна, где работал главным врачом и нейрохирургом в большой, новой, только что построенной больнице Гроот-Шуур. Кац считался одним из ведущих нейрохирургов мира. В медицинских журналах постоянно печатались ста-

ты о разработанных им передовых методах операций на мозге. Среди его пациентов были премьер-министр, президент и король.

Доктор Кац, мужчина среднего роста, с волевым и умным лицом, глубоко посаженными глазами и длинными, тонкими, нервными руками, откинулся на спинку кресла самолета авиакомпании «Бритиш оверсиз эруэйз корпорейшн». Он устал и поэтому почувствовал привычную боль в правой ноге, хотя этой ноги уже не было, поскольку ее ампутировали топором шесть лет назад.

День выдался трудный. Еще до рассвета он сделал операцию, посетил шестерых больных, а потом присутствовал на заседании совета директоров больницы, после чего отправился в аэропорт, чтобы вылететь в Афины на суд. Жена Каца Эстер пыталась отговорить его:

– Теперь ты уже ничего не можешь для нее сделать, Израэль.

Пожалуй, она была права, но Ноэль Паж однажды рисковала своей жизнью, чтобы спасти его, и он оставался у нее в долгу. Теперь он думал о Ноэль, и его охватило то непередаваемое чувство, которое он всегда испытывал в общении с ней. Казалось, что простая память о Ноэль способна зачеркнуть разделявшее их время. Разумеется, это всего лишь романтическая фантазия. Пролетевшие годы уже не вернуть. Раздался толчок, самолет выпустил шасси и пошел на снижение. Доктор Кац посмотрел в окно. Внизу раскинулся Каир, где ему предстояло пересесть на самолет египетской авиакомпании, который доставит его в Афины и к Ноэль. Виновна ли она в убийстве? Пока самолет выходил на посадочную полосу, Кац думал о другом страшном убийстве, совершенном ею в Париже.

Филипп Сорель стоял у поручней своей яхты и смотрел, как приближается Пирейская бухта. Ему понравилось морское путешествие. Оно дало Сорелю редкую возможность избавиться от своих поклонников. Филипп был одной из самых кассовых кинозвезд мира, но, если взглянуть на него, станет ясно, что его нынешний успех потребовал немалого труда. Никто бы не назвал Сореля красавцем. Наоборот, у него было лицо боксера, который проиграл последние десять встреч на ринге, – многократно сломанный нос, редеющие волосы, к тому же он слегка прихрамывал. Однако все это не имело значения, поскольку его находили сексуально привлекательным. Сорель был образованным человеком, говорил мягким, спокойным голосом, и это сочетание внутренней доброты и внешности водителя грузовика сводило женщин с ума, а мужчин заставляло видеть в нем героя. Сейчас, когда яхта уже входила в бухту, Сорель все еще недоумевал, зачем он прибыл сюда. Он отложил участие в съемках фильма, в котором ему хотелось сыграть, чтобы присутствовать на суде над Ноэль. Он прекрасно понимал, что появление в судебном зале сделает его легкой добычей репортеров, ведь с ним не будет ни его пресс-секретаря, ни менеджера, которые могли бы хоть как-то защитить его. Сорель был уверен, что газетчики неверно истолкуют его присутствие на шумном процессе об убийстве, совершенном его бывшей любовницей. Они решат, что известный актер сделал это в рекламных целях, чтобы приумножить свою и без того огромную славу. Как ни посмотри, его пребывание в Афинах станет крайне неприятным делом, но не приехать он не мог. Сорель обязательно должен был вновь увидеть Паж и выяснить, в состоянии ли он ей чем-нибудь помочь. Пока яхта плавно огибала белокаменный мол, он думал о той Ноэль, которую знал и любил, и пришел к выводу, что она вполне способна на убийство.

В то время как яхта Сореля готовилась ошвартоваться у берегов Греции, специальный помощник президента США находился на борту авиалайнера авиакомпании «Пан-Америкэн» в ста восьмидесяти километрах от аэропорта Элленикон. Уильям Фрэзер уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Это был седой человек с неправильными чертами лица и властными манерами. Фрэзер взял отпуск, чтобы слетать на суд в Грецию, хотя время для такого путешествия выдалось самое неподходящее – разразившийся в конгрессе кризис достиг наивысшей точки.

Он знал, сколь мучительными будут для него ближайшие несколько недель, но не видел для себя другого выхода. Это было путешествие отпущения, и сама мысль о мести приносила ему бесстрастное удовлетворение. Он постарался не думать о судебном процессе, который должен был начаться на следующий день, и стал смотреть в окно. Далеко внизу Фрэзер увидел экскурсионный катер, который, преодолевая волны, держал путь к греческому побережью, маячившему на горизонте.

Огюст Ланшон три дня страдал от морской болезни и умирал от страха. Морская болезнь мучила его, потому что экскурсионный катер, на который он сел в Марселе, задело мистралем. Страх не отпускал его, потому что Огюст опасался, как бы жена не узнала, куда и зачем он отправился. Ланшону шел седьмой десяток. Это был толстый лысый человек с короткими ногами, изъеденным оспой лицом, свинячьими глазками и тонкими губами, всегда сжимавшими дешевую сигару. В Марселе Ланшон владел ателье мод и не мог себе позволить – по крайней мере он постоянно твердил об этом жене – подобно богачам поехать в отпуск. Разумеется, напомнил он себе, его нынешнее путешествие вряд ли можно назвать отпуском. Ему необходимо было вновь увидеть свою дорогую и любимую Ноэль. С тех пор как она ушла от него, Ланшон из года в год следил за ее карьерой, с жадностью проглатывая разделы светской хроники во всех газетах и журналах в надежде отыскать новые сведения о ней. Когда она впервые получила главную роль в театре, он отправился в Париж только для того, чтобы встретиться с ней. Однако глупая секретарша Ноэль помешала их встрече. Позднее он смотрел фильмы с ее участием, смотрел по многу раз, неизменно вспоминая, как они занимались любовью. Да, поездка в Грецию обойдется ему в копейчку, но Ланшон знал, что он не зря потратит деньги. Его драгоценная Ноэль вспомнит те прекрасные дни, которые они провели вместе, и в поисках защиты обратится к нему. Он подкупит судью или еще какого-нибудь чиновника, если те не потребуют с него слишком много, и Ноэль выпустят на свободу. Он поселит ее где-нибудь в Марселе в маленькой квартирке, и каждый раз, когда он захочет ее, она будет ему доступна. Только бы жена не пронюхала об этом.

В Афинах в своей крохотной юридической конторе на втором этаже старого, захудалого дома, расположенного в бедном районе Монастираки, склонился над рабочим столом Фредерик Ставрос. Он был молод, упорен, нетерпелив и тщеславен. У него не было денег, чтобы взять себе помощника, и Фредерику приходилось самому выполнять скучную подготовительную работу по сбору юридических данных. Обычно он ненавидел эту сторону своей деятельности, но в данном случае Ставрос и не думал роптать. Он знал, что, если выиграет дело, клиенты станут добиваться его услуг и ему не о чем будет волноваться до конца своих дней. Тогда они с Еленой смогут пожениться, иметь детей. Он снимет новое помещение с роскошными служебными комнатами, наймет себе служащих и вступит в какой-нибудь модный клуб типа «Атенея Лески», где можно заполучить богатых клиентов. Метаморфоза уже началась. Каждый раз, когда Фредерик Ставрос появлялся на афинских улицах, его узнавали и кто-нибудь из тех, кто видел его фотографию в газетах, подходил к нему поговорить. В течение нескольких недель из никому не известного юриста Ставрос превратился в адвоката, которому предстоит защищать Ларри Дугласа. В глубине души Ставрос признавал, что ему достался невыгодный клиент. Он предпочел бы иметь в качестве подзащитной такую обаятельную женщину, как Ноэль Паж, и не связываться с ничтожеством по имени Ларри Дуглас, но он сам пока что был никем. Достаточно того, что он, Фредерик Ставрос, сделался одним из основных участников сенсационного судебного дела, связанного с убийством века. Если обвиняемых оправдают, славы хватит на всех. Лишь одна мысль не давала Ставросу покоя. Оба ответчика обвинялись в совершении одного и того же преступления, но у Ноэль Паж был свой адвокат. Если вдруг Ноэль Паж оправдают, а Ларри Дугласа признают виновным... Ставроса охватила дрожь, и он

постарался не думать об этом. Репортеры спрашивали его, считает ли он подсудимых виновными, а он только улыбался в ответ, посмеиваясь в душе над их наивностью. Не имеет значения, виновны они или нет. Главное состоит в том, что за деньги они могут нанять себе самых лучших адвокатов. Правда, Ставрос понимал, что, причислив себя к лучшим адвокатам, он несколько покривил душой. А вот защитник Ноэль Паж... О, это совсем другое дело. За ее защиту взялся Наполеон Шота. Нет в мире более блестящего адвоката по уголовным делам. Шота не проиграл еще ни одного важного дела. Подумав об этом, Фредерик загадочно улыбнулся. Он никому не решился бы сказать, что собирается перещегоолять Наполеона Шота, но он поставил себе именно эту цель.

В то время как Фредерик Ставрос не покладая рук трудился в своей жалкой конторе, Шота присутствовал на званом обеде в одном из роскошных домов, расположенных в фешенебельном районе Афин Колонаки. Шота поражал своей худобой и истощенным видом. У него были большие печальные глаза ищeyки, выделявшиеся на морщинистом лице. Мягким, граничащим с безволием поведением он прикрывал свой блестящий и острый ум. Ковыряя ложечкой десерт, он сидел за столом и отрешенно думал о начинающемся завтра судебном процессе. В тот вечер все говорили в основном о предстоящем суде. Разговор носил общий характер, поскольку гости были слишком хорошо воспитаны, чтобы задавать ему прямые вопросы. Однако к концу вечера, когда греческая анисовая водка и коньяк возымели действие, хозяйка дома спросила его:

– По-вашему, они виновны?

Шота простодушно ответил:

– Ну как они могут быть виновными? Ведь один из них мой клиент.

Все засмеялись, оценив шутку.

– Какова Ноэль Паж на самом деле?

Шота на секунду задумался.

– Это одна из самых необыкновенных женщин, – ответил он, тщательно подбирая слова. –

Она красива и талантлива...

К своему удивлению, он вдруг почувствовал, что не хочет говорить о ней. Кроме того, нельзя было передать свое впечатление о Ноэль словами. Еще несколько месяцев назад он имел о ней весьма смутное представление как об эффектной женщине, чье имя часто появляется в прессе в разделе светской хроники и чьи фотографии украшают обложки киножурналов. Он никогда не обращал на нее внимания, и если и думал о Ноэль, то его отношение к ней сводилось к безразличию и презрению, которые он всегда испытывал ко всем актрисам. Все у них подчинено физической красоте при полном отсутствии ума. Но Боже мой, как он ошибался! Стоило ему встретиться с Ноэль, как он тут же безнадежно влюбился в нее. Из-за этой женщины он изменил своему основному правилу – никогда не испытывать никаких чувств к своему клиенту. Шота живо вспомнился тот день, когда его попросили взять на себя ее защиту. Они с женой собирались в Нью-Йорк, где их дочь родила первенца, и Шота уже упаковывал вещи. Ему казалось, что ничто не может помешать этой поездке. Но понадобилось всего два слова, чтобы он передумал. В спальню вошел его дворецкий и протянул ему телефонную трубку со словами:

– Константин Демирис.

На остров можно было добраться только на вертолете или яхте, но и аэродром, и бухта круглосуточно патрулировались вооруженными охранниками с овчарками. Остров находился в частном владении Константина Демириса, и никто не имел права появляться там без приглашения. Вот уже многие годы среди посетителей острова можно было встретить королей и королев, президентов и бывших президентов, кинозвезд, прославленных оперных певцов и

певиц, знаменитых писателей и художников. Константин Демирис занимал третье место в мире по размерам личного состояния и считался одним из могущественнейших людей на земле. Он обладал хорошим вкусом и привык жить на широкую ногу.

Утопая в глубоком кресле и дымя одной из специально для него изготовленных тонких египетских сигарет, Демирис сидел в своей роскошной библиотеке и думал о начинающемся утром судебном процессе. На протяжении нескольких месяцев пресса пыталась установить с ним контакт, но он просто не показывался. Вполне достаточно, что его любовницу будут судить за убийство и что он, пусть даже косвенно, оказался втянутым в это дело. Он не хотел подливать масла в огонь, раздавая интервью. Его интересовало, как чувствует себя Ноэль сейчас, в эту минуту, находясь в тюремной камере на улице Никодемус. Спит ли она? Бодрствует? Может быть, ее охватила паника перед предстоящим ей страшным испытанием? Он думал о своем последнем разговоре с Наполеоном Шота. Демирис доверял ему и знал, что тот не подведет. Он убедил адвоката, что ему наплевать, виновна Ноэль или нет. Шота придется изрядно потрудиться, чтобы оправдать каждый цент огромного гонорара, который выплачивает ему Константин Демирис. Нет, ему не о чем беспокоиться. Судебный процесс пройдет хорошо. Ведь Константин Демирис принадлежит к тем людям, которые ни о чем не забывают. Он помнит, что любимые цветы Кэтрин Дуглас – триантафилии, прекрасные розы Греции. Демирис протянул руку, взял со своего рабочего стола блокнот и сделал запись: «Триантафилии, Кэтрин Дуглас».

Это самое малое, что он мог для нее сделать.

Книга первая

1

Кэтрин Чикаго, 1919–1939 годы

У каждого большого города есть свой характерный образ, свое лицо. Это придает ему своеобразие и делает неповторимым. Чикаго двадцатых годов напоминал беспокойного и энергичного великана, неотесанного и грубого, одной ногой оставшегося в том безжалостном времени, когда в городе хозяйничали породившие его магнаты Уильям Огден и Джон Уэнтуорт, Сайрус Маккормик и Джордж Пульман. Здесь царствовали Филиппы Арморы, Густавесы Свифты и Маршаллы Филдсы. Здесь разбойничали такие хладнокровные гангстеры-профессионалы, как Хайми Вейс и «человек со шрамом» Аль Капоне.

Одним из самых ранних воспоминаний Кэтрин Александер было посещение вместе с отцом бара. Он взял ее на руки и усадил на табурет. Ей казалось, что она находится на головокружительной высоте от покрытого опилками пола. Отец заказал громадный стакан пива для себя и грин-ривер¹ для нее. Ей было тогда пять лет, но она запомнила, что отца распирало от гордости, когда ее окружила толпа посетителей и восхищалась ею. Все мужчины заказали себе напитки, а отец заплатил за них. У нее осталось в памяти, как она прижималась к его руке, чтобы лишний раз убедиться, что он все еще с ней. Он возвратился в город только накануне вечером, и Кэтрин знала, что скоро он опять уедет. Отец был коммивояжером. Он объяснил ей, что по работе ему приходится ездить в далекие города и на долгие месяцы разлучаться с ней и мамой, чтобы привезти им оттуда красивые подарки. Кэтрин отчаянно пыталась убедить его в том, что она откажется от подарков, если он останется с ней. Отец рассмеялся и сказал, что она слишком умна для своих лет. Затем он уехал из города, и Кэтрин увидела его только через полгода. Тогда, в раннем детстве, мать, с которой она проводила все дни, казалась ей нерешительной и безликой, в то время как отец, подолгу отсутствовавший дома, представлялся ей яркой и необыкновенно светлой личностью, красивым, веселым, искрящимся юмором, добрым и щедрым человеком. Его появление дома всегда было для нее праздником, полным удовольствий, подарков и приятных неожиданностей.

Когда Кэтрин было семь лет, отец потерял работу, и их жизнь круто изменилась. Они покинули Чикаго и отправились в город Гэри, в штате Индиана, где отец устроился продавцом в ювелирном магазине. Тогда Кэтрин пошла в школу. Она настороженно относилась к одноклассникам и старалась держаться от них на почтительном расстоянии. Учителей своих она страшно боялась, а те неправильно поняли ее сдержанность и решили, что девочка полна сомнений. Отец теперь каждый день возвращался домой к обеду, и, когда вечером они все вместе сидели за столом, Кэтрин чувствовала, что наконец-то они стали настоящей семьей и живут не хуже других. По воскресеньям отец, мать и дочь брали напрокат лошадей и час-другой катались в дюнах. Кэтрин нравилось в Гэри, но через полгода после того, как они туда переехали, отец вновь потерял работу, и они подались в чикагский пригород Гарви. Занятия в школе уже начались, и Кэтрин оказалась новенькой. Все ее друзья остались в Гэри, и за ней утвердилась репутация нелюдимки. Дети, чувствовавшие полную безнаказанность в своей компании, приставали к долговязой новенькой и частенько жестоко насмехались над ней.

¹ Безалкогольный напиток. – *Здесь и далее примеч. пер.*

В течение последующих нескольких лет она научилась делать вид, что на нее не действуют нападки школьников, и стала прикрывать душу железным щитом безразличия. Когда это не срабатывало и укол все-таки проникал в сердце, она огрызалась, поражая обидчика язвительным и остроумным замечанием. Ей только хотелось поскорее «отшить» своих мучителей, чтобы они оставили ее в покое, однако ее острословие возымело иное действие. Кэтрин сотрудничала в школьной газете и как-то раз написала в рецензии на поставленный ее одноклассниками музыкальный спектакль такую фразу: «Во втором действии у Томми Белдена было соло на трубе, и он продул его». Все подхватили ее слова и стали повторять их на каждом шагу. Однако Кэтрин больше всего удивило, что на следующий день в холле к ней подошел сам Томми Белден и сказал, что находит шутку смешной.

На уроке английского языка ученикам задали на дом прочесть книгу «Капитан Горацио Хорнблоуэр». Кэтрин ненавидела это произведение, и ее отзыв о нем состоял всего из одного предложения. Она взяла известную поговорку «Не бойся собаки, которая лает» и, изменив в ней лишь несколько букв, добилась игры слов, дающих уничтожающую характеристику главному герою. Учитель английского языка оказался моряком-любителем. Он оценил юмор Кэтрин и поставил ей пятерку. Вскоре ее цитировал уже весь класс, и довольно быстро она стала лучшим остряком школы.

Кэтрин тогда исполнилось четырнадцать лет, и ее тело из девического постепенно превращалось в женское. Она часами изучала себя в зеркале, с грустью размышляя о том, как изменить свою злополучную внешность, отражение которой она видела перед собой. В душе она чувствовала себя неотразимой, сводящей мужчин с ума своей красотой, но зеркало, ее злейший враг, говорило, что у нее безнадежно спутанные волосы, которые невозможно расчесать, серьезные серые глаза, широкий рот, растущий не по дням, а по часам, и слегка вздернутый нос. «Может быть, я и не безобразна, – убеждала себя Кэтрин, не очень-то веря в это, – но едва ли кто-нибудь станет ломать копья, чтобы взять меня на главную роль в фильме и сделать из меня кинозвезду». Втянув щеки и похотливо закатив глаза, она попыталась представить себя манекенщицей. Картина получилась безрадостной. Она сменила позу. Широко открыла глаза, придала лицу энергичное выражение и смягчила его добродушной улыбкой. Нет, ничего не выйдет. Она совсем не похожа и на типичную американку. Никуда она не годится. «У меня будет приличная фигура, – подумала Кэтрин без энтузиазма, – но ничего особенного во мне нет». А ведь больше всего на свете она хотела быть особенной, стать личностью, такой, которую бы запомнили, и никогда, никогда, никогда, никогда не умереть.

В то лето, когда Кэтрин исполнилось пятнадцать лет, ей попала книга Мэри Бейкер Эдди «Наука и здоровье», и целые две недели Кэтрин по часу проводила перед зеркалом, добиваясь, чтобы ее отражение в нем стало красивым. К концу этого срока единственными изменениями в ее внешности, которые она сумела обнаружить, стали новые угри на подбородке и прыщ на лбу. С тех пор она перестала есть сладости, читать Мэри Бейкер Эдди и смотреться в зеркало.

Вместе с семьей Кэтрин вернулась в Чикаго и поселилась в небольшой мрачной квартире на северной стороне в Роджерс-парке, где квартирная плата была низкой. Страна все глубже увязала в экономическом кризисе. Отец Кэтрин работал все меньше, а пил все больше. Родители постоянно ругались, обвиняя друг друга во всех смертных грехах. Это заставляло Кэтрин уходить из дома. Обычно в таких случаях она отправлялась на пляж и одна гуляла по берегу, где под действием свежего ветра ее худенькое тельце обретало крылья. Часами смотрела она на беспокойное серое озеро, и сердце ее переполнялось каким-то смутным желанием, которому она не могла подобрать названия. Ей так отчаянно хотелось чего-то, что временами на нее накатывала волна невыносимой боли.

Кэтрин открыла для себя Томаса Вулфа; в его книгах, как в зеркале, отражалась та болезненная, но сладостная тоска, которая охватывала ее, но это была тоска по будущему, чему-то,

что еще не наступило, как будто когда-то, где-то Кэтрин прожила замечательную жизнь, и ей не терпелось прожить ее вновь. У нее начались регулы, но, превращаясь в женщину физически, она знала, что ее запросы, желания, эта острая жажда чего-то вовсе не были физиологической потребностью и не имели ничего общего с половым чувством. Ее охватило непреодолимое желание добиться признания, подняться над миллиардами людей, заполнивших землю, чтобы все узнали ее, чтобы, когда она проходила мимо, говорили: «Смотрите, это Кэтрин Александер, великая...» Великая *что*? Вот тут-то и возникала проблема. Она и сама не знала, чего хотела, но изо всех сил стремилась к этому. По воскресеньям во второй половине дня, если у нее были деньги, она отправлялась в кино. Она полностью растворялась в удивительном и захватывающем мире Кэри Гранта и Джин Артур, смеялась вместе с Уолласом Биэри и Мари Дресслер и глубоко переживала любовные драмы Бетти Дэвис. Ирэн Данн была Кэтрин ближе, чем родная мать.

Когда Кэтрин училась в последнем классе средней школы, ее заклятый враг – зеркало вдруг превратилось в друга. Смотрясь в него, Кэтрин видела перед собой девушку с живым и интересным лицом. У нее были черные как смоль волосы и мягкая, белоснежная кожа. Лицо приобрело правильные и тонкие черты, рот стал красивым и чувственным, а большие серые глаза светились умом. Она отличалась хорошей фигурой с высокой и хорошо развитой грудью, изящным изгибом бедер и стройными ногами. В ее зеркальном отражении чувствовалась какая-то отчужденность, которой, как казалось Кэтрин, у нее самой не было, как будто в зеркале присутствовало нечто такое, чем настоящая Кэтрин не обладала. Она решила, что это просто часть того самого защитного панциря, который она привыкла носить.

Экономический кризис все крепче зажимал страну в тиски. Отец Кэтрин без конца ввязывался в какие-то грандиозные затеи, из которых ничего путного не выходило. Он постоянно витал в облаках, изобретая нечто такое, что принесло бы ему миллионы долларов. Он придумал подъемное устройство, помещающееся над колесом автомобиля и приводимое в действие нажатием кнопки на щитке управления. Ни один из производителей автомобилей не проявил интереса к его изобретению. Тогда он разработал вращающуюся электрическую вывеску для объявлений, которую можно поместить в торговом зале. Однако дело не пошло дальше нескольких весьма обнадеживающих совещаний с владельцами магазинов.

Он занял деньги у своего младшего брата Ральфа, проживавшего в Омахе, и решил создать передвижку для ремонта обуви, которая обслуживала бы всю округу. Отец часами обсуждал свой план с Кэтрин и женой.

– Ведь это верное дело, – убеждал он их. – Только представьте себе, сапожник сам приходит к вам! Никто этого раньше не делал. Сейчас у меня всего одна передвижка, так? Если я заработаю на ней хотя бы двадцать долларов в день, то в неделю это будет сто двадцать долларов. Две передвижки принесут нам двести сорок долларов в неделю. Через год у меня уже будет двадцать грузовиков по ремонту обуви. Тогда доход составит две тысячи четыреста долларов в неделю. Сто двадцать пять тысяч в год. И это только начало...

Через пару месяцев и сапожник, и грузовик исчезли. Пришел конец еще одной мечте.

Кэтрин надеялась, что ей удастся поступить в Северо-Западный университет. Она была лучшей ученицей в классе, но, даже получив стипендию, не сможет прожить на нее. Кэтрин знала, что настанет день, когда ей придется оставить учебу и пойти работать, устроиться, например, куда-нибудь секретаршей. Но она всегда была уверена, что никогда не откажется от заветной мечты, которая наполняла всю ее жизнь таким богатым и прекрасным содержанием. Однако девушка не представляла себе, что же это за мечта, в чем она. Оттого-то все и казалось невыносимо печальным и ненужным. Кэтрин решила, что, по всей вероятности, для нее наступила пора юности. Что бы там ни было, это так ужасно.

Двое мальчиков считали, что влюблены в Кэтрин. Одного из них звали Тони Корман. Со временем он собирался поступить на работу в юридическую фирму своего отца. Тони был на добрых тридцать сантиметров ниже Кэтрин; в нем неприятно поражали нездоровая, одутловатая кожа и близорукие бесцветные глаза, которые смотрели на Кэтрин с обожанием. Второго звали Дин Макдермотт. Он был толст и застенчив. Ему хотелось стать зубным врачом. Конечно, был еще и Рон Питерсон. Все знали, что это важная птица. Рон был футбольной звездой школы и не скрывал своих намерений поступить в колледж, получив стипендию за спортивные успехи. Он был высокого роста, широк в плечах, выглядел как актер, пользующийся огромной популярностью у женщин, и сделался любимцем школы. Единственное, что мешало Кэтрин немедленно обручиться с Роном, было то, что он попросту не подозревал о ее существовании. Каждый раз, когда она проходила мимо него в коридоре школы, сердце ее начинало бешено биться. Она отчаянно пыталась придумать какую-нибудь умную и пикантную фразу, услышав которую Рон пригласил бы ее на свидание. Однако стоило Кэтрин приблизиться к нему, ее тут же охватывало оцепенение, и они молча расходились в разные стороны. Как «Куин Мэри» и жалкая плоскодонка, думала Кэтрин, теряя всякую надежду.

Обострилась финансовая проблема. Семья Кэтрин уже три месяца не платила за квартиру, и их не выселили только потому, что хозяйка была очарована отцом Кэтрин и восхищалась его грандиозными планами и изобретениями. Теперь Кэтрин слушала отца с глубокой грустью. Он был по-прежнему весел и с оптимизмом смотрел в будущее, но ей не только резал глаз его потрепанный внешний вид, она научилась читать у него в душе. Удивительное и беззаботное очарование, с которым он всегда брался за дело, воодушевляя окружающих своим энтузиазмом, ушло безвозвратно. Сейчас он напоминал Кэтрин маленького мальчика в облике мужчины средних лет, рассказывающего невероятные истории о светлом будущем, чтобы спрятать за ними позор своих прошлых неудач. Неоднократно она наблюдала, как он приглашал с десятков людей на обед в ресторан, а затем с веселым видом отводил одного из гостей в сторону и занимал у него деньги, чтобы оплатить счет за обед, включая, разумеется, и щедрые чаевые. Обязательно щедрые, потому что ему нужно было поддерживать репутацию. Однако, видя всю несерьезность его поведения и зная, каким безответственным и равнодушным к ней он был как отец, Кэтрин все-таки любила этого человека. Ей нравилось, что в мире мрачных, угрюмых людей он проявлял такой энтузиазм и излучал столь яркий свет. Он обладал этим бесценным даром и охотно делился им с окружающими.

В конце концов, рассуждала Кэтрин, со своими прекрасными мечтами, которые никогда не сбываются, он гораздо лучше матери, испытывающей страх перед всякой мечтой.

В апреле мать умерла от сердечного приступа. Кэтрин впервые столкнулась со смертью. Их небольшая квартира заполнилась друзьями и соседями, пришедшими выразить родственникам свои соболезнования. Сочувствовавшие шепотом произносили неискренние благочестивые фразы, как это всегда бывает, когда у кого-то в семье происходит несчастье.

Смерть высосала из матери все соки, лишила ее каких бы то ни было признаков жизни и превратила во что-то крохотное и высохшее. А может быть, именно жизнь низвела ее до такого состояния, подумала Кэтрин. Она пыталась вспомнить хоть что-нибудь общее, что связывало их при жизни матери, те случаи, когда они вместе смеялись над чем-то, поверяли друг другу свои сокровенные тайны. Однако как она ни старалась, в ее воспоминаниях оставалось место лишь для отца, энергичного и веселого. Ей казалось, что жизнь матери была всего-навсего слабой тенью, исчезнувшей в солнечном свете памяти. Кэтрин смотрела на мать, лежащую в гробу и напоминающую восковую фигуру, одетую в простое черное платье с белым воротником, и думала, какая никчемная у нее была жизнь. Для чего она жила? И чувства, обуревавшие Кэтрин несколько лет назад, вновь нахлынули на нее. Она твердо решила чего-то добиться в жизни, стать личностью, оставить по себе память в мире, чтобы не закончить свой земной путь

в безымянной могиле, когда мир не будет ни знать, ни интересоваться тем, что на свете когда-то жила Кэтрин Александер, которая потом умерла и была предана земле.

Из Омахи на похороны прилетели дядя Ральф и его жена Полин. Ральф был на десять лет моложе отца Кэтрин и совершенно не похож на брата. Он занимался доставкой витаминов по почтовым заказам и сделался преуспевающим бизнесменом. Это был крупный мужчина плотного телосложения, с квадратными плечами, квадратной челюстью, квадратным подбородком и, по твердому убеждению Кэтрин, с квадратными мозгами. Его жена напоминала птичку, которая постоянно щебечет и машет крыльшками. Они были вполне приличными людьми, и Кэтрин знала, что дядя одалживал своему брату много денег, но чувствовала, что у нее нет с ними ничего общего. Подобно матери Кэтрин, это были люди без мечты.

После похорон дядя Ральф сказал, что хочет поговорить с Кэтрин и отцом. Они уселись в крохотной гостиной их квартиры. Полин перепархивала с места на место, держа в руках поднос с кофе и домашним печеньем.

– Я знаю, что у тебя тяжелое материальное положение, – обратился дядя Ральф к брату. – Ты витаешь в облаках и всегда был мечтателем. Но ты – мой брат. Я не могу позволить тебе пропасть. Мы тут посоветовались с Полин, и я хочу, чтобы ты работал со мной.

– В Омахе?

– У тебя будет постоянный, хороший заработок, и вы с Кэтрин сможете жить у нас. Места в доме хватит.

У Кэтрин замерло сердце. Омаха? Ведь это конец всем ее мечтам!

– Мне надо подумать, – ответил отец.

– Мы уезжаем шестичасовым поездом, – сказал дядя Ральф. – Дай мне знать до нашего отъезда.

Когда Кэтрин с отцом остались одни, отец застонал:

– Омаха? Держу пари, что там нет даже приличной парикмахерской!

Однако Кэтрин понимала, что он устроил это представление только ради нее. Есть там приличная парикмахерская или нет, выбора у него не было. Жизнь наконец поймала его в ловушку. Не сломит ли это его духа, беспокоилась Кэтрин. Ведь ему нужно будет каждый день в установленные часы сидеть на постоянной и скучной работе. Он станет похож на вольную птицу, которую поймали и посадили в клетку. Она бьется крыльями о прутья и умирает в неволе. Самой же Кэтрин теперь придется забыть о Северо-Западном университете. Она обратилась за стипендией, но ответа не получила. Во второй половине дня отец позвонил брату и сказал, что принимает его предложение.

На следующее утро девушка пошла к директору школы, чтобы уведомить его о своем переходе в одну из омахских школ. Не успела Кэтрин, войдя в его кабинет, открыть рот, как директор сказал:

– Поздравляю тебя, Кэтрин, тебе только что присудили стипендию на учебу в Северо-Западном университете.

Вечером Кэтрин и отец долго обсуждали эту новость и в конце концов решили, что он поедет в Омаху, а Кэтрин отправится в университет и поселится в общежитии студенческого городка. Итак, через десять дней Кэтрин проводила отца на вокзал и попрощалась с ним. Когда они расставались, ее охватило чувство бесконечного одиночества. Было так грустно, что уезжает человек, которого она любит больше всего на свете. Тем не менее ей все же не терпелось, чтобы поезд поскорее тронулся. Кэтрин охватило приятное волнение при мысли о том, что теперь она будет свободна и впервые станет жить так, как ей хочется. Она стояла на платформе и смотрела, как, прижавшись щекой к оконному стеклу, отец старался последний раз взглянуть на нее, – потрепанный, но все еще красивый человек, который по-прежнему верит, что когда-нибудь завоюет весь мир.

Возвращаясь домой с вокзала, Кэтрин кое-что вспомнила и громко рассмеялась. Чтобы добраться до Омахи, отец заказал себе купе в салон-вагоне.

День зачисления в университет был донельзя волнующим. Для Кэтрин это событие имело особое значение, которое не выразить словами. Ведь перед ней открылись ворота волшебного замка, где лежат бесценные сокровища. Завладев ими, она сможет претворить в жизнь все свои мечты и добиться осуществления своих еще не оформившихся, но честолюбивых замыслов, так долго сжигавших ее сердце. Она обвела взглядом огромный актовй зал, в котором выстроились для регистрации сотни студентов, и подумала: «Когда-нибудь вы все услышите обо мне и будете рассказывать окружающим: “Мы учились вместе с Кэтрин Александер”». Кэтрин записалась на изучение максимально возможного количества предметов, получила место в общежитии и в то же утро устроилась на работу кассиршей в популярную закусочную под названием «Насест», где подавали бутерброды и пиво. Закусочная помещалась напротив студенческого городка. Кэтрин предстояло работать в ней во второй половине дня за пятнадцать долларов в неделю. На такие деньги не пошikuешь, но можно купить все необходимое, включая учебники.

В середине второго курса Кэтрин вдруг пришло в голову, что она, пожалуй, единственная девственница на весь студенческий городок. В детстве и отрочестве она слышала, как подростки обсуждали секс, и долетавшие до ее ушей случайные обрывки фраз на эту тему казались ей замечательными. Однако Кэтрин страшно боялась, что, когда она достигнет половой зрелости, секс уже не будет для нее источником радости. Судя по всему, она оказалась права. По крайней мере для нее так и вышло. Создавалось впечатление, что в университете говорили только о сексе. Его обсуждали в общежитии, на занятиях, в умывальных и в «Насесте». Кэтрин была потрясена откровенностью высказываний.

– Невероятно! Джерри просто Кинг-Конг!

– Ты это о чем, о его члене или мозгах?

– Деточка, ну зачем ему мозги?! Я шесть раз кончила с ним прошлой ночью!

– А ты пробовала с Эрни Роббинсом? Сам-то он мал, а член у него что надо!

– Алекс сегодня назначил мне свидание. Как с ним?

– Да никак. Не утруждай себя понапрасну. На прошлой неделе он завел меня на пляж, стащил с меня трусы и стал лапать. Я тоже пошарила у него между ног и ничего там не нашла.

Все захохотали.

Кэтрин считала подобные разговоры вульгарными и отвратительными, но все же старалась не пропустить ни слова. Это напоминало мазохистское упражнение. Когда девушки рассказывали о своих достижениях в области секса, Кэтрин представляла себя в постели с мальчиком, который занимается с ней самой бешеной, самой неистовой любовью. Она даже испытывала боль в паху и изо всех сил старалась упереться кулаками в бедра, чтобы, причиняя себе физическую боль, заглушить другую боль, душевную. «Боже мой! – думала она. – Я так и умру девственницей, единственной девятнадцатилетней девственницей Северо-Западного университета! Да что там университета, наверное, всех Соединенных Штатов! Девственница Кэтрин! Церковь причислит меня к лику святых, и перед моим изображением раз в год будут зажигать свечу. Что же со мной делается? – убивалась она. – Сама знаешь что, – распяляла она себя. – Никто не предлагает тебе заняться любовью, а ведь этим можно заниматься только вдвоем. Я хочу сказать, если делать это по всем правилам, то нужна пара».

В разговорах о сексе девушки чаще других упоминали имя Рона Питерсона. За свои спортивные достижения он получил поощрительную стипендию, дающую право на учебу в Северо-Западном университете, и там он стал не менее популярен, чем в средней школе. Его избрали старостой курса. Кэтрин увидела его в первый день занятий на уроке латинского языка. Он выглядел еще лучше, чем в школе. Он заметно поправился, и на лице у него появилось

суровое выражение зрелого мужчины, которому все нипочем. После урока он подошел к ней, и у нее бешено забилося сердце.

– *Кэтрин Александер!*

– *Привет, Рон.*

– *Ты тоже учишь латынь?*

– *Да.*

– *Тогда мне здорово повезло.*

– *Это почему же?*

– *Как почему? Да потому что я ни черта не смыслю в латинском, а ты у нас гений. Мы с тобой споемся. Что ты делаешь сегодня вечером?*

– *Ничего особенного. Ты что, хочешь, чтобы мы вместе позанимались?*

– *Давай-ка пойдём на пляж, чтобы нам никто не мешал. А позаниматься мы сможем в любое время.*

Он уставился на нее.

– *Эй!.. Э-э-э?..* – старался он вспомнить ее имя.

От неожиданности она сделала глотательное движение и чуть сама не забыла, как ее зовут.

– *Кэтрин, – выпалила она. – Кэтрин Александер.*

– *Да, точно. Ну как тебе здесь?! Отличное местечко, верно?*

Она попыталась придать своему голосу пылкую заинтересованность, чтобы угодить ему, согласиться с ним, расположить его к себе.

– *О да, – начала она с чувством, – это самое...*

Он разглядывал потрясающую блондинку, ждавшую его у дверей.

– *Ладно, еще увидимся, – сказал он и направился к блондинке.*

На этом и закончился рассказ о Золушке и Прекрасном принце, подумала Кэтрин. Стали они жить счастливо, он в своем гареме, а она в продуваемой ветрами пещере в Тибете.

Время от времени в студенческом городке на глаза Кэтрин попадался Рон. Каждый раз он был с новой девушкой, а иногда с двумя или тремя. Боже, неужели он никогда не устает, удивлялась Кэтрин. Она все еще надеялась, что в один прекрасный день он обратится к ней за помощью по латинскому языку, но он больше ни разу не заговаривал с ней.

По ночам, лежа в своей одинокой постели, Кэтрин думала о всех других девушках, занимающихся любовью со своими молодыми людьми, и продолжала мечтать о Роне Питерсоне. Она представляла себе, как он раздевает ее, а она медленно снимает с него одежду, совсем как в любовных романах: сначала рубашку, мягко касаясь руками его тела, потом брюки и, наконец, трусы. Он берет ее на руки и несет на кровать. Однако тут ее всегда подводило природное чувство юмора, и, потянув мышцы, Рон ронял ее на пол и падал сам, стеноя и катаясь по полу от боли. Идиотка, ругала она себя, ты не можешь нормально заниматься этим даже в мечтах. Может, ей пойти в монастырь? Кэтрин очень интересовало, бывают ли у монахинь эротические сновидения и считается ли у них онанизм грехом. Она также задавалась вопросом, вступают ли монахи в половую связь с женщинами.

Она сидит в объятom прохладой тенистом дворике красивого старинного аббатства, расположенного недалеко от Рима, поигрывая пальцами в нагретой солнцем воде заросшего пруда, в котором плавают рыбки. Вдруг открывается калитка, и ей навстречу идет высокий священник в широкополой шляпе и длинной черной сутане, как две капли воды похожий на Рона Питерсона.

– *Ah, scusi, signorina*², – в смущении бормочет он, – я не знал, что у меня посетитель.
Кэтрин вскакивает на ноги.

– Мне не следовало заходить сюда, – говорит она извиняющимся тоном. – Но место такое красивое, что я не удержалась и решила тут немного посидеть. Вот сижу и упиваюсь красотой.

– Вы мой самый желанный гость. – Он наклоняется к ней, сверкая черными глазами. – *Mia cara*³... я обманул вас.

– Обманули?

– Да. – Он смотрит ей прямо в глаза своим пронизывающим взглядом. – Я знал, что вы здесь, потому что шел за вами.

Она чувствует приятную дрожь во всем теле:

– Но... но ведь вы священник.

– *Bella signorina*⁴, я прежде всего человек, а потом уже священнослужитель.

Он бросается к ней, чтобы заключить ее в объятия, но нечаянно наступая на полу сутаны, спотыкается и падает в пруд.

О черт!

Каждый день после занятий Рон Питерсон заходил в «Насест» и усаживался в кабинке, расположенной в глубине зала. К нему быстро присоединялись друзья, и Рон оказывался в центре оживленной беседы. Когда Кэтрин стояла за прилавком у кассы, Рон, войдя в зал, всегда дружелюбно, но рассеянно приветствовал ее кивком головы и проходил мимо. Он ни разу не назвал ее по имени. Он его попросту забыл, печалилась Кэтрин.

Тем не менее каждый раз, когда он входил в зал, она широко улыбалась ему и ждала, что он поздоровается с ней, попросит свидания, стакан воды, ее невинность, все, что ему только захочется. Ведь он относится к ней так, словно она не человек, а какой-то неодушевленный предмет. Наблюдая за присутствующими в зале девушками и непредвзято оценивая их, Кэтрин пришла к выводу, что она красивее их всех, кроме одной – приехавшей с юга блондинки с потрясающей внешностью по имени Джин-Энн, с которой Рона видели чаще всего, и, уж конечно, Кэтрин много умнее всех их, вместе взятых. Так что же, скажите на милость, с ней не так? Почему никто не приглашает ее на свидание? Об этом она узнала на следующий день.

Кэтрин быстро шла через студенческий городок. Ей нужно было вовремя попасть в «Насест». Вдруг она заметила, что по зеленой лужайке прямо к ней идет Джин-Энн с какой-то брюнеткой.

– Познакомься, это Мисс Большие Мозги, – представила ее своей спутнице Джин-Энн.

«И Мисс Большие Титьки», – с завистью подумала Кэтрин, а вслух произнесла:

– Какая убийственная характеристика. Ты делаешь успехи в изящной словесности.

– Ладно, не прибедряйся, – сухо заметила Джин-Энн. – Тебе самой в пору преподавать литературу. Кстати, ты ведь и еще кое-что можешь нам преподать, детка.

Она сказала это таким тоном, что Кэтрин начала краснеть.

– Я... я не понимаю.

– Да оставь ты ее в покое, – вмешалась брюнетка.

– Это почему же? – вызывающе спросила Джин-Энн. – Что она о себе воображает?

Она повернулась к Кэтрин:

– Хочешь знать, что о тебе говорят?

– Да.

² Ах, простите, синьорина (ит.).

³ Моя дорогая (ит.).

⁴ Прекрасная синьорина (ит.).

– Ты лесбо.

Пораженная Кэтрин в растерянности уставилась на нее.

– Я – что?

– Лесбиянка, моя крошка. Нечего пудрить всем мозги и строить из себя святошу.

– Но... это же смешно, – пробормотала Кэтрин.

– Неужели ты взаправду веришь, что можешь вешать людям лапшу на уши? – спросила ее Джин-Энн. – Да на тебе пробу негде ставить!

– Но я... я никогда...

– Все парни здесь готовы переспать с тобой, а ты им не даешь.

– Я не знала, – проболталась Кэтрин.

– Проваливай, – отрезала Джин-Энн. – Ты не нашего поля ягода.

Подруги ушли, а потрясенная Кэтрин осталась стоять на месте, тупо смотря им вслед.

Лежа в постели этой ночью, Кэтрин не могла уснуть.

– *Сколько тебе лет, мисс Александер?*

– *Девятнадцать.*

– *Вступала ли ты в половую связь с мужчиной?*

– *Нет.*

– *Нравятся тебе мужчины?*

– *А кому они не нравятся?*

– *У тебя когда-нибудь возникало желание заняться любовью с женщиной?*

Кэтрин долго и мучительно думала над этим. Раньше она иногда увлекалась девочками и женщинами-учителями в школе, что было вполне естественно для ее детского возраста. Она попробовала представить себе, что занимается любовью с женщиной. Ее тело находится в объятиях другой женщины, которая целует ее в губы и ласкает мягкими женскими руками. Кэтрин невольно содрогнулась. *Нет, не надо!* И сама себе сказала вслух:

– Я вполне нормальна.

Да, но если это так, почему она сейчас лежит здесь одна, а не трахается где-нибудь с парнем, как все другие девушки? Может быть, она фригидна? Тогда ей, наверное, нужна операция – лоботомия или что-то подобное.

За окном спальни на востоке уже брезжил рассвет, а Кэтрин так и не сомкнула глаз. Этой ночью она твердо решила, что больше не останется девственницей и что лишить ее невинности предстоит переспавшему со всеми незамужними студентками Рону Питерсону.

2

Ноэль

Марсель – Париж, 1919–1939 годы

Она родилась принцессой королевской крови. Ее первые воспоминания – белая плетеная кровать для новорожденной с кружевным пологом, украшенная розовыми ленточками и усыпанная мягкими игрушками в виде различных животных, красивыми куклами и золочеными погремушками. Она быстро усвоила, что, стоит ей только открыть рот и подать голос, кто-нибудь обязательно поспешит к ней, возьмет на руки и успокоит. Когда ей было шесть месяцев от роду, отец стал вывозить ее в сад в детской коляске, где разрешал ей потрогать цветы, приговаривая:

– Посмотри, принцесса, какие они красивые, но ты намного прекраснее любого из них.

Дома ей нравилось, когда отец высоко поднимал ее своими сильными руками и подносил к окну, из которого она видела крыши многоэтажных зданий, а он говорил ей:

– Вот оно, твое королевство, принцесса. – Отец показывал пальцем на высокие мачты кораблей, стоящих на рейде и слегка покачивающихся на волнах. – Видишь те большие корабли? – спрашивал он. – В один прекрасный день они станут твоими и ты будешь ими командовать.

Многочисленные гости приходили в замок только для того, чтобы посмотреть на нее, и лишь немногим из них выпадала честь взять ее на руки. Остальные любовались ею, стоя над кроватью и восхищаясь ее небесными чертами, красивыми светлыми волосами и мягкой золотистой кожей, а отец с гордостью замечал:

– Да у нее на лбу написано, что она принцесса!

И, склонившись над кроватью, шептал:

– Когда-нибудь придет прекрасный принц и завладеет твоим сердцем.

Затем он бережно заворачивал ее в розовое одеяльце, и она засыпала безмятежным сном. Весь ее мир был светлой мечтой о кораблях, высоких мачтах и замках, и только в пять лет она узнала, что является дочерью марсельского торговца рыбой, что замки, которые она видела из окна своей крохотной комнатки на чердаке, всего лишь складские помещения, расположенные вокруг зловонного рыбного рынка, где работал отец, что флот ее состоит из старых рыболовных судов, отплывающих из Марселя каждое утро еще до зари и возвращающихся сразу же после обеда, чтобы выплунуть свой дурно пахнущий груз на пирс.

Таково было королевство Ноэль Паж.

Друзья отца не раз предупреждали его, что не стоит обманывать дочь.

– Зачем ты забиваешь ей голову сказками, Жак? Ведь Ноэль подумает, что она лучше всех.

Так оно и вышло.

На первый взгляд Марсель кажется жестоким местом, полным первобытного насилия, присущего любому портовому городу, где полно дорвавшихся до берега моряков, у которых в кармане есть деньги, и умных хищников, знающих, как эти деньги у них забрать. Однако в отличие от остальных французов у марсельцев развито чувство солидарности, рожденное в общей борьбе за выживание, поскольку источником жизненной силы города является море, а марсельские рыбаки входят во всемирную рыбацью семью. Они помогают друг другу и в штормовую, и в тихую погоду, в суровые дни невзгод и в прекрасную пору богатых уловов.

Поэтому соседи Жака Пажа радовались, что ему повезло и у него родилась такая замечательная дочь. Они тоже считали чудом, что из чрева грязного и грубого города вдруг появилась на свет принцесса.

Да и сами родители Ноэль не могли понять, откуда взялась у их дочери эта неземная красота. Ее мать была грузной крестьянкой с грубыми чертами лица, отвисшей грудью и толстыми ногами. Отец Ноэль, коренастый и широкоплечий мужчина, выделялся маленькими бегающими глазками, которые на все смотрели с бретонским подозрением, и волосами цвета мокрого песка нормандских пляжей. Сначала ему казалось, что природа просто ошиблась, что это прекрасное светловолосое создание не могло родиться от него и его жены и что, когда Ноэль подрастет, она превратится в обычную некрасивую девочку, напоминающую дочерей его знакомых. Однако чудо продолжало расти и расцветать. С каждым днем Ноэль становилась все красивее.

Ее мать меньше своего мужа удивлялась появлению в семье златокудрой красавицы. За девять месяцев до рождения Ноэль она познакомилась с рослым норвежским моряком, только что сошедшим с грузового судна. Этот огромный блондин с внешностью викинга был красив как Бог, и на губах его играла добрая и чарующая улыбка. Пока Жак трудился на работе, в его крохотной квартирке моряк весьма активно провел четверть часа в постели с будущей матерью Ноэль.

Когда она увидела, как светловолоса и хороша ее дочь, то испугалась до смерти. Жена Жака пребывала в постоянном страхе, с ужасом ожидая того момента, когда муж поднимет карающий перст и потребует назвать истинного отца Ноэль. Однако, к ее великому удивлению, эгоистическое чувство заставило его принять ребенка за своего собственного.

– Вероятно, среди моих предков был кто-то из скандинавов, и Ноэль унаследовала их кровь, – хвастался он перед друзьями, – но вы же видите, что у нее есть и мои черты.

Жена молча выслушивала всю эту чепуху, кивала головой в знак согласия и удивлялась мужской глупости.

Ноэль нравилось проводить время с отцом. Она обожала его неуклюжую игривость и исходящие от него странные, непонятные запахи, но в то же время ее пугала его жестокость. Широко раскрытыми глазами она смотрела, как, задыхаясь от злобы, он ругал мать и бил ее по лицу. Мать пронзительно кричала от боли, но в ее крике чувствовалось что-то животное и плотское, и Ноэль охватывала ревность, поскольку ей самой хотелось быть на месте матери.

С Ноэль же отец всегда был мягок и нежен. Он с удовольствием водил ее на пристань и показывал грубым, неотесанным людям, с которыми ему приходилось работать. Все знали ее там как принцессу, и она гордилась этим сама и испытывала чувство гордости за отца.

Ноэль старалась сделать отцу приятное. Зная, что он любит поесть, она научилась стряпать, готовя его любимые блюда, и постепенно заменила на кухне мать.

В семнадцать лет красота Ноэль расцвела пышным цветом, и она превратилась в изысканную женщину. У нее были прекрасные, тонкие черты лица, живые фиалковые глаза и пепельные волосы. Ее кожа сохранила свою свежесть и золотистый оттенок, и казалось, что она покрыта тонким слоем меда. У Ноэль была потрясающая фигура с полной, красивой грудью, тонкой талией, округлыми бедрами, длинными, стройными ногами и изящными лодыжками. Она обладала своеобразным, мягким и мелодичным голосом. Во всем ее облике бросалась в глаза необыкновенная чувственность, которая пока только тлела в ее душе. Но не она очаровывала окружающих. Волшебство Ноэль заключалось в том, что в этом океане чувственности всем виделся необитаемый остров совершенной невинности, и такое сочетание чувственности и детского простодушия делало ее неотразимой. Она не могла спокойно пройти по улице. Прохожие заговаривали с ней и предлагали встретиться в интимной обстановке. Но это были не обычные предложения, с которыми обращаются к марсельским проституткам местные мужчины. Даже самые тупые из них замечали в Ноэль нечто особое, что-то такое, чего они никогда раньше не видели и, возможно, не увидят никогда, и каждый из них с готовностью заплатил бы сколько мог, чтобы хоть на время приобщиться к этому нечто.

Отец Ноэль тоже сознавал, насколько она красива. По правде говоря, Жак Паж только об этом и думал. Он прекрасно знал, какой огромный интерес у мужчин вызывает Ноэль. Несмотря на то что ни он, ни его жена никогда не говорили с дочерью о сексе, он не сомневался, что она еще девственница, что придает женщине определенную ценность. Его проницательный крестьянский ум долго и упорно работал над тем, как бы выгоднее использовать то неожиданное счастье, которое подарила ему природа. Задача Жака Пажа состояла в том, чтобы красота Ноэль принесла как можно больше выгоды ей и ему самому. В конце концов, он участвовал в ее появлении на свет, кормил, одевал и воспитывал ее. Она обязана ему всем. И теперь пришла пора возместить расходы. Хорошо бы сделать Ноэль любовницей богача. Тогда он, ее отец, получил бы возможность жить, не особенно утруждая себя, на что вполне имел право. С каждым днем честному человеку становилось все труднее зарабатывать на жизнь. Над Европой нависла зловещая тень войны. С помощью молниеносного удара нацисты вошли в Австрию и этим шагом ошеломили Европу. Вскоре они захватили Судетскую область и вторглись в Словакию. Несмотря на заверения Гитлера о том, что он не заинтересован в дальнейших завоеваниях, все ожидали расширения конфликта.

Развитие событий особенно сильно отразилось на Франции. По мере того как правительство тратило все больше средств на оборону, в магазинах и на рынках стала ощущаться нехватка товаров. Жак Паж боялся, что скоро придет конец рыболовству и он останется без средств к существованию. Спасти положение можно было только с помощью дочери, если подыскать ей богатого любовника. Загвоздка состояла в том, что он не знал, где найти богача. Все его друзья были так же бедны, как и он сам, а он не собирался допускать к ней мужчин, которые не могут дать за нее достойную цену.

Разрешить проблему случайно помогла сама Ноэль. В последние месяцы она становилась все спокойнее. Ноэль хорошо училась, но школа ей надоела. Она заявила отцу, что хотела бы поступить на работу. Не говоря ни слова, он посмотрел на дочь изучающим взглядом.

– Какую работу? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Ноэль. – Я бы могла работать манекенщицей, папа.

Так все и решилось.

В течение следующей недели ежедневно во второй половине дня Жак Паж приходил домой с работы, тщательнейшим образом мылся, чтобы избавиться от запаха рыбы, надевал свой лучший костюм и спускался на главную улицу города, Канебьер, ведущую из старой гавани в богатые кварталы. Прогуливаясь по ней туда и обратно, он изучал там все ателье мод, не замечая, насколько нелепо он, неуклюжий крестьянин, выглядит в мире шелка и кружев, но ему это ничуть не мешало. Паж просто искал то, что ему нужно, и наконец нашел, дойдя до «Бон Марше», самого шикарного в Марселе ателье женской одежды. Однако он выбрал это заведение отнюдь не за его изысканность. Жак остановил на нем свой выбор, потому что им владел Огюст Ланшон, безобразный лысый человек старше пятидесяти лет, с маленькими толстыми ножками и дрожащим ртом скупердяя. Его жена, крохотная женщина с продолговатым лицом, выступающими скулами и резко очерченным носом, хозяйничала в примерочной, следя за работой портных и сурово покрикивая на них. Стоило Жаку Пажу взглянуть на господина Ланшона и его жену, как он тут же понял, что нашел решение своей проблемы.

Ланшон с отвращением посмотрел на плохо одетого незнакомца, входящего к нему в ателье.

– Слушаю вас. Что я могу для вас сделать? – грубо спросил Ланшон.

Не обращая внимания на грубый тон Ланшона, Жак Паж ткнул его своим толстым пальцем в грудь и, самодовольно улыбаясь, сказал:

– Это я могу кое-что сделать для вас, месье. Я собираюсь разрешить своей дочери работать на вас.

С выражением крайнего недоверия на лице Огюст Ланшон уставился на неотесанного незнакомца.

– Вы собираетесь *разрешить*...

– Завтра в девять утра она будет здесь.

– Я не...

Жак уже исчез. Через несколько минут Ланшон окончательно забыл об этом происшествии. На следующее утро, в девять часов, взглянув на вход в ателье, он увидел в дверях Жака Пажа. Ланшон хотел было сказать своему управляющему, чтобы тот вышвырнул Пажа вон, но вдруг заметил у него за спиной Ноэль. Отец и его невероятно красивая дочь шли прямо к Ланшону. Папаша широко улыбнулся и представил ему Ноэль.

– Вот она, готова приступить к работе.

Огюст Ланшон не отрываясь смотрел на девушку и облизывал губы.

– Доброе утро, месье, – с улыбкой поздоровалась Ноэль. – Отец сказал мне, что у вас для меня есть работа.

Потерявший дар речи Ланшон утвердительно кивнул головой.

– Да, я... я полагаю, мы сможем что-нибудь подыскать вам, – удалось ему, заикаясь, выдавить из себя фразу. Ланшон изучал ее лицо и фигуру и не верил своим глазам. Он тут же представил себе, какое это наслаждение – лежать на ее нагом теле.

Жак Паж стал прощаться:

– Ну что ж, оставляю вас вдвоем, чтобы вы могли получше познакомиться.

Он сильно хлопнул Ланшона по плечу и хитро подмигнул ему. Этот жест можно было истолковать десятью разными способами, но ни один из них не оставил у Ланшона ни малейшего сомнения относительно намерений Пажа.

Первые несколько недель Ноэль казалось, что она перенеслась в другой мир. Женщины, посещавшие ателье, носили красивую одежду и отличались изысканными манерами, а сопровождавшие их мужчины не имели ничего общего с теми грубыми и шумными рыбаками, среди которых она выросла. У Ноэль создалось впечатление, что впервые в жизни ее ноздри освободились от рыбного зловония. Раньше она никогда не обращала на это внимания, потому что запах рыбы представлялся ей неотъемлемой частью ее существования. Теперь же все вдруг изменилось, и только благодаря отцу. Девушка гордилась тем, как отец сговорился с господином Ланшоном. Два или три раза в неделю они отправлялись вместе пропустить рюмочку коньяка или выпить пива, а когда возвращались, между ними устанавливался некий дух товарищества. Поначалу Ноэль невзлюбила Ланшона, но он вел себя с ней осторожно. От одной из девушек Ноэль узнала, что жена Ланшона как-то застала его в кладовой с манекенщицей, схватила ножницы и чуть его не кастрировала. Ноэль видела, что Ланшон не спускает с нее глаз, но он всегда оставался предельно вежливым. «По-видимому, – рассуждала она, – он боится моего отца». И это ее вполне устраивало.

Дома у них стало намного спокойнее. Отец больше не бил мать, и постоянная грызня между ними прекратилась. На стол стали подаваться бифштекс и жаркое, а после обеда отец доставал новую трубку и набивал ее дорогим табаком из кожаного кисета. Он купил себе выходной костюм. Международное положение продолжало ухудшаться, и Ноэль часто слышала, как отец говорил с друзьями о политике. Все они были встревожены надвигающейся угрозой и страшно боялись потерять средства к существованию, и только Жак Паж, казалось, не беспокоился о своем будущем.

1 сентября 1939 года гитлеровские войска вошли в Польшу, а через два дня Англия и Франция объявили войну Германии.

Во Франции была объявлена мобилизация, и на улицах появились сотни людей в военной форме. Повсюду чувствовалась какая-то покорность судьбе, некое повторение прошлого, словно смотришь старый фильм, который видел много лет назад. Однако в душе еще не посе-

лился всепоглощающий страх, и думалось, что все обойдется. Пусть другие страны трепещут перед мощью германских армий, а Франция так и останется непобедимой. У нее есть неприступная «Линия Мажино», она на тысячу лет защитит французов от вторжения. Ввели комендантский час и нормирование продуктов, но это не волновало Жака Пажа. Судя по всему, он обрел спокойствие. Лишь один раз Ноэль видела, как он пришел в ярость из-за того, что однажды ночью застал ее с юношей, с которым она иногда встречалась. Они целовались, когда неожиданно зажегся свет и в дверях появился дрожащий от гнева отец.

– Вон отсюда! – заорал он на испуганного юношу. – И не смей прикасаться к моей дочери, поганая свинья!

Напуганный до смерти юноша сбежал. Ноэль попыталась объяснить отцу, что они не делали ничего плохого, но тот так разозлился, что не пожелал ее слушать.

– Я не позволю тебе размениваться на всякую шпану, – закричал он. – Это же ничтожество. Он не достоин моей принцессы.

Ночью Ноэль не могла заснуть, восхищаясь безмерной любовью отца. Она дала себе клятву, что больше ничем не будет расстраивать его.

Однажды вечером перед самым закрытием в ателье появился клиент, и Ланшон попросил Ноэль примерить несколько платьев. После примерки все отправились домой, и в ателье остались только Ланшон и его жена, которая делала какие-то записи в конторских книгах. Ноэль зашла переодеться в пустую примерочную. Она была в лифчике и трусиках, когда туда заглянул Ланшон. Он уставился на Ноэль, и у него задрожали губы. Ноэль потянулась за платьем, но, прежде чем она успела надеть его, Ланшон бросился к ней и запустил руку ей между ног. Ноэль охватило отвращение, она попыталась вырваться, но Ланшон крепко держал ее, и ей стало больно.

– Ты прекрасна, – шептал он ей, – прекрасна, и я постараюсь, чтобы тебе было хорошо.

Но тут Ланшона позвала жена. Он неохотно отпустил девушку и выбежал из примерочной.

По дороге домой Ноэль думала, стоит ли говорить об этом случае отцу. Он, пожалуй, убьет Ланшона. Она презирала хозяина ателье, и находиться рядом с ним было для нее невыносимо, но она хотела остаться на работе. Да и отец мог расстроиться, если она вдруг уволится. Ноэль решила пока ничего не рассказывать отцу, а попробовать самой справиться с Ланшоном.

В следующую пятницу мадам Ланшон сообщили по телефону, что в Виши заболела ее мать. Ланшон отвез жену на вокзал и поспешил в ателье. Он вызвал к себе в кабинет Ноэль и сказал ей, что хочет куда-нибудь съездить с ней на выходные. Ноэль удивленно взглянула на него, решив, что он попросту пошутил.

– Мы поедem во Вьен, – продолжал болтать Ланшон. – Там есть прекрасный ресторан «Пирамида». Ресторан дорогой, но это не важно, потому что я могу быть очень щедрым с теми, кто ко мне хорошо относится. Сколько времени тебе нужно на сборы?

Ноэль пристально посмотрела на него.

– Никогда. – Это было все, что она могла ему ответить. – Никогда!

Она повернулась и выбежала в приемную ателье. Ланшон минуту провожал ее глазами, от ярости налившимися кровью, затем схватил телефонную трубку. Через час в ателье вошел Жак. Он направился прямо к дочери, и ее лицо просияло. Она вздохнула с облегчением. Отец почувствовал, что что-то случилось, и приехал, чтобы спасти ее. В дверях своего кабинета стоял Ланшон. Отец взял Ноэль за руку и быстро повел ее к Ланшону в кабинет. Там отец повернулся к дочери.

– Я так рада, что ты пришел, папа, – начала Ноэль, – я...

– Господин Ланшон говорит, что сделал тебе прекрасное предложение, а ты отказалась. Она уставилась на отца в полном недоумении.

– Предложение? Он попросил меня провести с ним выходные.

– А ты отказалась?

Не успела Ноэль ответить, как отец замахнулся и отвесил ей звонкую пощечину. Ноэль остолбенела. Она просто не могла поверить этому. В ушах у нее стоял звон, глаза застилал туман. Ноэль услышала голос отца:

– Дура! Дура! Пора тебе подумать о своих близких, себялюбивая сучка! – И он снова ударил ее.

Через полчаса отец наблюдал с улицы, как его дочь и Ланшон отправляются во Вьен.

В однокомнатном номере гостиницы не было ничего, кроме большой двуспальной кровати, дешевой мебели и находившихся в одном углу умывальника и таза. Ланшон не привык бросаться деньгами. Он дал коридорному мелкие чаевые и, как только тот ушел, накинулся на Ноэль и стал срывать с нее одежду. Затем Ланшон взял ее груди своими толстыми потными руками и сильно сжал их.

– Боже, как ты хороша, – воскликнул он, задыхаясь. Он стащил с нее юбку и трусы и завалил на кровать. Ноэль лежала, не двигаясь и ни на что не обращая внимания, как будто была в шоке. Пока они ехали в машине, девушка не вымолвила ни слова. Ланшон надеялся, что она не заболела. Он никогда бы не смог объяснить это полиции или, не дай Бог, своей жене. Ланшон торопливо разделся, бросая одежду на пол, и лег в кровать рядом с Ноэль. Ее тело оказалось еще прекраснее, чем он ожидал.

– Твой отец говорил мне, что ты никогда не спала с мужчиной, – сказал он, ухмыляясь. – Что же, я покажу тебе, как это делается.

Ланшон навалился на Ноэль толстым животом и стал тыкать своим членом ей между ног, стараясь войти в нее. Его движения становились все резче. Ноэль ничего не чувствовала. Ей только слышалось, как отец кричит на нее:

– Ты должна быть благодарна за то, что такой добрый господин, как Огюст Ланшон, хочет заботиться о тебе. От тебя только требуется быть с ним поласковее. Ты сделаешь это для меня. И для себя.

Все, что тогда произошло, было для нее кошмаром. Ноэль не сомневалась, что отец ее просто не понял, и пустилась в объяснения, но он снова ударил ее и начал пронзительно кричать:

– Ты сделаешь то, что тебе говорят! Другие девушки на твоём месте обрадовались бы такому шансу!

Такому шансу. Она посмотрела на Ланшона, на его безобразное, коротенькое тельце, на его скотское лицо с тяжело дышащим ртом и свинячьими глазками. Так вот какому принцу продал ее отец, ее любимый отец, который безмерно дорожил ею и не выносил, когда она разменивается на недостойных. Тут вспомнила бифштексы, которые внезапно появились у них на столе, новые трубки отца, его выходной костюм, и ее чуть не стошнило.

Ей казалось, что в последующие несколько часов она умерла и родилась заново. Она умерла принцессой и вновь появилась на свет, но теперь уже шлюхой. Постепенно она осознала, в каком мире живет и что с ней происходит. Ее охватила самая жгучая ненависть, которую даже трудно себе представить. Она никогда не простит отцу его предательства. Как это ни странно, но ненависти к Ланшону она не испытывала, потому что поняла его. Он – мужчина, и ему присущи все слабости мужского пола. Отныне, решила Ноэль, она превратит эти слабости в собственную силу. Она научится пользоваться ими. Отец, несомненно, прав. Она *была* принцессой, и мир принадлежал ей. Теперь она знает, как завладеть им. Ведь это так просто. Мужчины правят миром, потому что у них есть сила, деньги и власть. Поэтому необходимо править мужчинами или по крайней мере одним из них. Но чтобы добиться власти над мужчинами, нужно к этому подготовиться. Предстоит многому научиться, и первый шаг уже сделан...

В своем яростном желании завладеть прекрасным существом, распластанным под его толстым и грузным телом, Ланшон даже не заметил, что Ноэль остается совершенно безучастной к его усилиям. Он не обращал на это никакого внимания. Ему достаточно было взглянуть на нее, чтобы распалиться до предела и почувствовать страсть, которой он не знал долгие годы. Он привык к дряблему телу своей уже постаревшей жены и изношенным прелестям марсельских проституток, но обладание такой молодой и свежей девушкой было для него подобно чуду.

Однако для Ланшона чудо только начиналось. Он предпринял вторую попытку заняться любовью. После сношения Ноэль сказала:

– Лежи тихо.

Она стала экспериментировать на нем руками, губами и языком, каждый раз придумывая что-нибудь новое, отыскивая самые уязвимые и чувствительные места на его теле и раздражая их до тех пор, пока он не вскрикивал от удовольствия. Это походило на нажатие кнопок. Нажмешь одну – он издаст стон, нажмешь другую – он извивается в экстазе. Все так просто. Такова была школа Ноэль, ее обучение. В то же время это было началом ее власти.

Все три дня они провели в гостинице и так и не сходили в «Пирамиду». Днем и ночью Ланшон обучал ее тому немногому, что знал о сексе. Сама же Ноэль открыла для себя гораздо больше.

Когда они ехали обратно в Марсель, Ланшон чувствовал себя самым счастливым человеком во Франции. Ему и раньше доводилось вступать в короткую половую связь с работницами своего ателье в «отдельных кабинетах» ресторана, где помимо обеденного столика стоял еще и диван; он торговался с проститутками, старался дарить своим любовницам как можно меньше подарков и был совершенно бессовестным скупердьяем по отношению к жене и детям. Однако теперь он вдруг великодушно заявил:

– Я собираюсь снять тебе квартиру. Ты умеешь готовить?

– Да, – ответила Ноэль.

– Хорошо. Каждый день я буду приходить к тебе обедать и заниматься любовью, а два-три раза в неделю я буду у тебя ужинать.

Он положил руку ей на колени и погладил его.

– Ну как?

– Замечательно, – согласилась Ноэль.

– Я даже стану давать тебе деньги на карманные расходы, но небольшие, – поспешил он добавить, – их хватит на то, чтобы время от времени ты могла купить себе красивые вещи. Единственная просьба к тебе – не встречаться ни с кем, кроме меня. Теперь ты принадлежишь мне.

– Как ты захочешь, Огюст, – сказала Ноэль.

Ланшон удовлетворенно вздохнул. Когда он снова заговорил с Ноэль, голос его звучал мягко:

– Раньше я ни к кому так не относился. Знаешь почему?

– Нет, Огюст.

– Потому что с тобой я чувствую себя молодым. Мы с тобой чудесно заживем.

Они возвратились в Марсель поздно вечером. По дороге оба не проронили ни слова – каждый думал о своем.

– Увидимся завтра в девять в ателье, – заговорил Ланшон. Он сделал паузу. – Если утром почувствуешь себя усталой, поспи немного дольше. Приходи в полдесятого.

– Спасибо, Огюст.

Он вытащил пачку франков и протянул ей.

– Вот, возьми. Завтра во второй половине дня попробуй подыскать квартиру. Если найдешь что-нибудь подходящее, эти деньги послужат задатком, чтобы квартиру не сдали кому-то другому, а я потом подъеду и посмотрю, годится ли она.

Ноэль бросила весьма выразительный взгляд на франки в его руке.

– Что-нибудь не так? – спросил Ланшон.

– Мне бы хотелось, чтобы у нас и вправду было уютное гнездышко, – пояснила Ноэль, – где бы нам вместе жилось хорошо.

– Но я не так богат, – запротестовал он.

Ноэль понимающе улыбнулась и положила руку на бедро Ланшона. Он вперил в нее взгляд и кивнул головой.

– Ты права, – согласился Ланшон. Он полез в бумажник и принялся отсчитывать франки, наблюдая при этом за выражением лица Ноэль.

Когда Ланшон заметил, что она довольна, его пальцы тут же замерли. Он даже покраснел от собственной щедрости. В конце концов, какое это имеет значение? Ланшон был проницательным бизнесменом и прекрасно знал, что такая расточительность поможет ему навсегда привязать к себе Ноэль.

Счастливым Ланшон поехал дальше, а она стояла и смотрела ему вслед. Когда машина скрылась из виду, Ноэль поднялась к себе, упаковала вещи и достала из тайника все свои сбережения. В десять часов вечера она села в поезд Средиземноморье – Лион – Париж.

На следующий день она была в Париже. Несмотря на раннее утро, на вокзале толпился народ. Одни рвались в город, другим не терпелось выбраться из него. Ни привокзальная сутолока, ни радость встреч, ни слезы расставания, ни оглушающий шум не мешали Ноэль. Едва ступив на платформу и еще не видя города, она уже знала – ее место здесь. Марсель казался ей теперь чужим. Она могла жить только в Париже. Здесь ей нравилось все. Она испытывала какую-то непонятную, пьянящую радость и жадно впитывала в себя звуки, движение толпы и будоражащие ритмы. Она чувствовала родство с этим городом. Оставалось только завоевать его. Ноэль взяла чемодан и направилась к выходу.

Она вышла на улицу. Уже светило яркое солнце. Мимо нее со свистом проносились автомобили. Ноэль вдруг вспомнила, что ей некуда идти, и растерялась. Девушка заметила, что у здания вокзала стояли пять-шесть такси, и подошла к первому из них.

– Куда?

– Не могли бы вы отвезти меня в недорогую гостиницу?

Водитель обернулся и уставился на нее оценивающим взглядом.

– Впервые в этом городе?

– Да.

– Вам повезло, – сказал он. – Были когда-нибудь манекенщицей?

У Ноэль радостно забило сердце.

– В общем, да, – ответила она.

– Моя сестра работает в одном из престижных домов моды, – поведал ей таксист доверительным тоном. – Сегодня утром она сказала мне, что у них уволилась одна из девушек. Не желаете туда съездить? Вдруг место еще не занято.

– С удовольствием, – согласилась Ноэль.

– Я отвезу вас туда. Это обойдется вам в десять франков.

Ноэль нахмурилась.

– Дело стоит того, – пообещал водитель.

– Хорошо.

– Ладно, поехали.

Она откинулась на спинку сиденья. Таксист завел мотор, и, влившись в сумасшедший поток уличного движения, машина покатила к центру города. Пока они добирались до дома моды, водитель болтал без умолку, но Ноэль его не слушала. Как зачарованная она смотрела в окно на парижские улицы. Ноэль подумала, что из-за светомаскировки у Парижа несколько приглушенные тона. Тем не менее он показался ей волшебным городом. Он красив, изыскан

и своеобразен. Машина миновала собор Парижской Богоматери, пересекла Пон-Нёф, оказалась на правом берегу Сены и помчалась по бульвару маршала Фоша. Вдали Ноэль увидела возвышающуюся над городом Эйфелеву башню. В зеркале заднего вида водитель заметил на ее лице восхищение.

– Красиво, да? – спросил он.

– Потрясающе, – тихо ответила она. Ноэль все еще не могла поверить, что она в Париже. Вот такое королевство достойно принцессы... достойно ее.

Такси остановилось у темного каменного здания на рю де Прованс.

– Ну что ж, приехали, – сказал водитель. – С вас два франка по счетчику плюс десять франков мне.

– Как я узнаю, что место еще не занято? – спросила Ноэль.

Таксист пожал плечами:

– Я же говорил вам, что девушка уволилась сегодня утром. Если не хотите туда зайти, могу отвезти вас назад на вокзал.

– Нет, не надо, – тут же возразила Ноэль. Она открыла сумочку, достала двенадцать франков и отдала водителю. Он сначала посмотрел на деньги, а затем на нее. Ноэль смутилась, вновь залезла в сумочку и протянула ему еще франк.

Таксист даже не улыбнулся, а только молча кивнул головой и стал наблюдать, как она достает свой чемодан из машины.

Когда он уже завел мотор, Ноэль крикнула ему:

– Как зовут вашу сестру?

– Жаннет.

Стоя на обочине, Ноэль взглядом проводила такси, затем повернулась и посмотрела на здание. У входа не было никакой вывески, но Ноэль решила, что дом моды и не нуждается в вывеске. Все знают, где он находится. Она взяла чемодан, подошла к двери и позвонила. Через некоторое время дверь открылась, и на пороге появилась служанка в черном фартуке. Она с недоумением смотрела на Ноэль.

– Слушаю вас.

– Извините, пожалуйста, – обратилась к ней Ноэль. – Мне стало известно, что у вас освободилось место манекенщицы.

Женщина пристально посмотрела на нее и прищурилась.

– Кто вас прислал?

– Брат Жаннет.

– Входите.

Она открыла дверь пошире. Ноэль переступила порог и оказалась в большой приемной, выдержанной в стиле начала девятнадцатого века. С потолка свисала огромная хрустальная люстра, стояли несколько богатых канделябров, а через открытую дверь в гостиную были видны старинная мебель и ведущая наверх деревянная лестница. На красивом инкрустированном столе лежали экземпляры газет «Фигаро» и «Эко де Пари».

– Подождите здесь, а я пойду выясню, сможет ли мадам Дели принять вас.

– Благодарю вас, – сказала Ноэль.

Она поставила на пол чемодан и подошла к большому зеркалу, висевшему на стене. В дороге у нее помялось платье, и она пожалела, что сразу же отправилась сюда. Ей следовало бы сначала немного отдохнуть и привести себя в порядок. Важно было произвести хорошее впечатление. Все же, посмотрев на себя в зеркало, она поняла, что выглядит красивой. Без всякого тщеславия она рассматривала свою красоту как большое благо и намеревалась воспользоваться ею. Увидев в зеркале, что по лестнице спускается какая-то девушка, Ноэль повернулась, чтобы получше разглядеть ее. Девушка отличалась хорошей фигурой и милостивым лицом. Она была одета в длинную коричневую юбку и закрытую блузку. Совершенно очевидно, что

манекенщицы здесь высокого класса. Девушка слегка улыбнулась Ноэль и прошла в гостиную. Чуть позже в комнате появилась мадам Дели, невысокая крепкая женщина старше сорока лет с холодными и сметливыми глазами. На ней было платье, которое, по мнению Ноэль, стоило не меньше двух тысяч франков.

– Регина сказала мне, что вы ищете работу, – заявила она.

– Да, мадам, – подтвердила Ноэль.

– Откуда вы?

– Из Марсея.

Мадам Дели недовольно фыркнула:

– Место, где резвятся пьяные моряки.

Ноэль расстроилась.

Мадам Дели слегка похлопала ее по плечу.

– Это не важно, моя дорогая. Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

Мадам Дели одобрительно кивнула головой:

– Это хорошо. Вы понравитесь моим клиентам. У вас есть родственники в Париже?

– Нет.

– Прекрасно. Вы можете сразу же приступить к работе?

– Да, конечно, – с большим энтузиазмом заверила ее Ноэль.

Наверху раздался смех, и через секунду на лестнице появилась рыжеволосая девушка под руку с толстым мужчиной средних лет. На девушке был только тонкий халатик.

– Вы закончили? – спросила мадам Дели.

– Я оставил Анжелу без сил, – ответил толстяк, манерно улыбаясь. Он заметил Ноэль. – Кто эта красивая крошка?

– Это Иветта, наша новая девушка, – объяснила ему мадам Дели и уверенно добавила: – Она из Антиба, дочь принца.

– Никогда не имел принцессу, – воскликнул мужчина. – Сколько?

– Пятьдесят франков.

– Вы шутите?! Тридцать.

– Сорок. Уверяю вас, вы не пожалеете.

– Согласен.

Они повернулись к Ноэль, но ее и след простыл.

Ноэль часами бродила по парижским улицам. Она прошла из конца в конец Елисейские поля, сначала по одной стороне, потом по другой, побывала в сводчатой галерее Лидо, постояла перед витринами всех магазинов, поражаясь небывалому изобилию драгоценностей, платьев, кожаных изделий и парфюмерии и стараясь представить себе невероятное богатство Парижа в те времена, когда город еще не испытывал нехватки товаров. Многообразие и качество изделий ослепляли ее, и она чувствовала себя безнадежной провинциалкой, но где-то в глубине души ее не покидала уверенность, что когда-нибудь все это будет принадлежать ей. Ноэль прогулялась по Буа, спустилась на рю дю Фобур-Сент-Оноре и оказалась на проспекте Виктора Гюго. Вскоре она почувствовала, что устала и проголодалась. Сумочку и чемодан Ноэль оставила в заведении мадам Дели, но ей не хотелось туда возвращаться, и она решила, что пошлет кого-нибудь за своими вещами.

Ноэль вовсе не была шокирована или опечалена тем, что с ней произошло. Просто она знала разницу между куртизанкой и проституткой. Проституткам не под силу повлиять на ход истории. Куртизанкам это удавалось. Пока что у Ноэль не было ни сантима. Ей надо как-то продержаться сегодняшний день, а завтра она найдет работу. Сгущались сумерки. Торговцы и швейцары отелей стали опускать шторы светомаскировки на случай воздушного нападения.

Ноэль требовалось найти кого-то, кто бы угостил ее хорошим горячим обедом. Расспросив жандармов, она направилась к отелю «Крийон». Снаружи окна отеля были наглухо закрыты железными ставнями, но внутри выдержанный в мягких, приглушенных тонах вестибюль поразила ее своей неброской изысканностью. Ноэль вошла туда уверенно, сделав вид, что для нее это обычное дело, и села в кресло около лифта. Раньше она никогда так не поступала и с привычки немного нервничала. Однако девушка хорошо помнила, как легко справилась с Ланшоном. По правде говоря, мужчины довольно примитивные существа, и с ними нужно лишь четко придерживаться одного правила: мужчина мягок, когда он тверд, и тверд, когда он мягок. Поэтому нужно держать мужчин на взводе, пока не добьешься от них своего. Осмотревшись, Ноэль решила, что ей не составит большого труда привлечь внимание неженатого мужчины, пришедшего в отель пообедать в одиночестве.

– Прошу прощения, мадемуазель...

Ноэль подняла голову и увидела высокого мужчину в темном костюме. Она ни разу в жизни не встречала детектива, но в данном случае не сомневалась в профессии заговорившего с ней субъекта.

– Мадемуазель ждет кого-нибудь?

– Да, – ответила Ноэль, изо всех сил стараясь, чтобы у нее не дрогнул голос. – Я жду друга.

– Ваш друг проживает в этом отеле?

Она почувствовала, что впадает в панику.

– Он э... э... не совсем.

С минуту он изучал Ноэль, а затем сурово сказал:

– Можно посмотреть ваше удостоверение личности?

– У... у... меня его с собой нет, – заикаясь, ответила она. – Я его потеряла.

Детектив заявил ей:

– Не угодно ли мадемуазель пройти со мной?

Он взял Ноэль за руку, и она встала.

Тут кто-то взял ее за другую руку со словами:

– Прости, дорогая, я опоздал, но ты же знаешь эти проклятые коктейли. Оттуда не вырвешься. Ты давно ждешь?

Удивленная Ноэль резко обернулась, чтобы посмотреть, кто же с ней разговаривает. Ее держал за руку высокий, стройный, сильный мужчина в необычной, незнакомой ей военной форме. У него были иссиня-черные волосы, зачесанные коком, глаза цвета сурового, бурного моря и длинные, пушистые ресницы. Такие лица можно увидеть на старинных флорентийских монетах. Оно отличалось неправильной формой – его половины не совсем совпадали, как будто у монетного мастера во время работы дрогнула рука. Однако это было необыкновенно живое и постоянно меняющееся лицо, всегда готовое улыбнуться, рассмеяться или нахмуриться. Единственное, что спасало его от излишней красоты и женственности, это волевой подбородок с глубокой ямочкой.

Он жестом показал на детектива.

– Этот тип пристаёт к тебе? – У незнакомца оказался густой, низкий голос. Он говорил по-французски с легким акцентом.

– Н-нет, – ответила Ноэль не очень уверенно.

– Прошу прощения, сэр, – вмешался детектив, состоявший на службе при отеле. – Я ошибся... Тут у нас в последнее время появились кое-какие трудности с... – Он повернулся к Ноэль: – Пожалуйста, примите мои извинения, мадемуазель.

Ноэль сделала глотательное движение и быстро кивнула головой.

Незнакомец обратился к детективу:

– Мадемуазель великодушна. В следующий раз будьте осторожны. – Он взял Ноэль под руку, и они направились к двери.

Когда они вышли на улицу, Ноэль сказала:

– Уж и не знаю, как вас отблагодарить, месье.

– Всегда ненавидел полицейских. – Незнакомец улыбнулся. – Взять вам такси?

Ноэль уставилась на него, и ее снова охватила паника, потому что теперь она яснее представляла себе свое положение.

– Нет, не надо.

– Ну ладно. Спокойной ночи.

Он отправился на стоянку такси, стал садиться в машину, обернулся и увидел, что она по-прежнему стоит как вкопанная и не может оторвать от него глаз. У входа в отель за ней наблюдал детектив. Незнакомец секунду колебался, а затем вернулся к Ноэль.

– Вам лучше убраться отсюда, – посоветовал он ей. – Наш общий друг продолжает интересоваться вами.

– Мне некуда идти, – ответила Ноэль.

Незнакомец понимающе кивнул и полез в карман.

– Да не нужны мне ваши деньги! – выпалила Ноэль.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Что же тогда вы хотите? – спросил он.

– Пообедать с вами.

Он улыбнулся и сказал:

– Простите, у меня свидание, я и так опаздываю.

– Что ж, тогда поезжайте, – согласилась она. – За меня не беспокойтесь.

Он запихнул деньги обратно в карман.

– Поступай как знаешь, детка, – бросил он ей. – Счастливо оставаться.

Незнакомец повернулся и опять пошел к такси. Ноэль смотрела ему вслед и удивлялась, чем же она ему не угодила. Девушка знала, что вела себя глупо, но в то же время понимала, что у нее не было выбора. С того момента, как Ноэль впервые взглянула на этого человека, с ней происходило что-то странное. Такого с ней раньше никогда не случалось. Ее захлестнула волна чувств. Ей даже казалось, что эта волна существует физически и что до нее можно дотронуться рукой. Ноэль не успела спросить, как зовут незнакомца, и, возможно, никогда его больше не встретит. Она посмотрела в сторону отеля и увидела, что прямо к ней идет детектив. Она сама виновата. Теперь уж ей не отвертеться. Ноэль почувствовала, что кто-то положил руку ей на плечо, и, когда она повернулась, чтобы посмотреть, кто это, незнакомец схватил ее и потащил к такси. Он быстро открыл дверцу, втолкнул ее в машину и сел рядом. Затем незнакомец назвал водителю какой-то адрес. Такси отъехало, оставив провожавшего их взглядом детектива на обочине.

– А как же ваше свидание? – спросила Ноэль.

– Это вечеринка, – пояснил он, пренебрежительно пожав плечами. – Если я туда не приду, ничего страшного не случится. Меня зовут Ларри Дуглас, а как твое имя?

– Ноэль Паж.

– Откуда ты, Ноэль?

Она повернулась к нему, посмотрела в его прекрасные черные глаза и ответила:

– Из Антиба. Я дочь принца.

Он рассмеялся, показывая ровные белые зубы.

– Тебе повезло, принцесса, – пошутил он.

– Вы англичанин?

– Американец.

Она взглянула на его военную форму.

– Но ведь Америка не участвует в войне.

– Я служу в английских ВВС, – объяснил он. – Там только что сформировали отряд американских летчиков. Он называется «Орлиная эскадрилья».

– А почему вы воюете за Англию?

– Потому что Англия воюет за нас, – ответил он. – Просто до вас это пока не дошло.

Ноэль недоверчиво покачала головой:

– Я этому не верю. Ведь Гитлер всего-навсего фигляр у бошей.

– Возможно. Но этот фигляр знает, чего хотят немцы, – мирового господства.

Ноэль с восхищением слушала, как Ларри Дуглас говорил о военных планах Гитлера, о внезапном выходе Германии из Лиги Наций, о военной оси Рим – Берлин – Токио и о многом другом. Ей было все равно, о чем он рассказывает. Девушку завораживало выражение его лица. Когда он увлекался темой, его темные глаза вдохновенно сверкали и в них горел огонь неистребимой жизненной силы.

Ноэль никогда не встречала таких, как он. Это был редчайший тип человека, который тратит себя без остатка. Он открыт для всех, в нем есть теплота и живое восприятие внешнего мира; он щедро раздает свою душу другим, радуется жизни, хочет, чтобы окружающие тоже наслаждались ею, и как магнитом притягивает к себе людей.

Они приехали на вечеринку, которая проходила в небольшой квартире на рю Шмэн-Вёр. Там собралась веселая и шумная компания, в основном молодежь. Ларри представил Ноэль хозяйке, хищной рыжеволосой особе с весьма сексуальной внешностью, и скрылся в толпе гостей. В течение вечера Ноэль лишь мельком видела его в окружении настырных девиц, каждая из которых старалась завладеть его вниманием. Однако, по мнению Ноэль, Ларри вовсе не был тщеславен. Он попросту не замечал, как он привлекателен. Один из гостей раздобыл Ноэль рюмку и предложил выпить, другой принес ей с буфетной стойки тарелку с едой, но у нее вдруг пропал аппетит. Ей захотелось побыть с американцем, вызволить его из группы девушек, столпившихся вокруг него. К ней подходили другие мужчины и пытались завязать разговор, но она отвечала невпопад. С того момента, как они с Ларри вошли в квартиру, американец не обращал на нее никакого внимания и вел себя так, словно ее не существовало. А почему бы и нет, подумала Ноэль. Чего ему с ней возиться, если к его услугам любая из присутствующих на вечеринке девушек? Двое мужчин попробовали заговорить с ней, но она не могла сосредоточиться. В комнате вдруг стало невыносимо жарко, и она стала искать повода, чтобы уйти.

Кто-то шепнул ей на ухо:

– Уходим.

Через несколько секунд она оказалась на улице с американцем. Над городом уже сгустилась прохладная ночь. В связи с угрозой немецкого налета на улицах было темно и тихо. Машины ровно и почти бесшумно проплывали по ним, словно безмолвные рыбы во мраке морских глубин.

Ларри и Ноэль не удалось поймать такси. Они пошли пешком и по дороге решили пообедать в бистро на площади Виктуар. Ноэль просто умирала с голоду. Она изучала сидящего напротив нее американца и не могла понять, что же с ней делается. Ей казалось, что он открыл в ее душе какой-то живительный источник, о существовании которого она и не подозревала. Раньше она никогда не испытывала подобного счастья. Они говорили обо всем. Она рассказала ему о себе, а от него узнала, что он родился в Бостоне и что по происхождению он ирландец. Его мать родом из графства Керри.

– А где вы научились так хорошо говорить по-французски? – спросила Ноэль.

– В детстве я каждое лето проводил на мысе Антиб. Мой отец был заправилкой на фондовой бирже, пока его не съели медведи.

– Медведи?

Ларри пришлось объяснить ей, как совершаются сделки на фондовой бирже. Ноэль было не важно, о чем он говорил, лишь бы слушать его.

– Где ты живешь?

– Нигде.

Она рассказала ему о водителе такси, о мадам Дели, о толстяке, поверившем, что она принцесса, и согласившемся заплатить за нее сорок франков, а Ларри громко смеялся над всем этим.

– Ты помнишь, где находится тот злополучный дом?

– Да.

– Тогда пошли, принцесса.

Когда они добрались до дома на рю де Прованс, дверь им открыла та же служанка в форменной одежде. Увидев молодого красивого американца, она очень обрадовалась, но тут же помрачнела, когда заметила, кто пришел вместе с ним.

– Нам нужна мадам Дели, – заявил ей Ларри.

Вместе с Ноэль он вошел в приемную. Оттуда было видно, что в гостиной сидят несколько девушек. Служанка ушла, и через несколько минут появилась мадам Дели.

– Добрый вечер, месье, – сказала она и повернулась к Ноэль. – Ну а ты, я надеюсь, одумалась?

– Нет, – любезно ответил за нее Ларри. – У вас тут осталось кое-что, принадлежащее принцессе.

Мадам Дели вопросительно посмотрела на него.

Она на секунду засомневалась, а затем вышла из комнаты. Через несколько минут служанка принесла сумочку и чемодан Ноэль.

– Благодарю вас, – сказал Ларри и обратился к Ноэль: – Пойдем, принцесса.

В тот же вечер Ноэль вместе с Ларри поселилась в небольшой чистой гостинице на рю Лафайет. Они заранее ни о чем не договаривались, но оба знали, что все будет именно так. Ночью они занимались любовью, и ничего более захватывающего Ноэль в своей жизни не испытывала. Это был дикий, первобытный взрыв страсти, потрясший их обоих. Всю ночь она пролежала в объятиях Ларри, крепко прижавшись к нему. Она и мечтать не могла о таком счастье.

Проснувшись на следующее утро, они снова занялись любовью, а потом пошли осматривать город. Ларри оказался замечательным гидом и, чтобы Ноэль не скучала, превратил для нее Париж в красивую игрушку. Они позавтракали в Тюильри и несколько часов бродили вокруг собора Парижской Богоматери в самом старом квартале Парижа, построенном еще при Людовике XIII. Ларри показал ей места, в которые обычно не заходят туристы, такие, как площадь Мобер с ее колоритным открытым рынком и набережная Межиссери, где в клетках выставлены на продажу сотни птиц с ярким и причудливым оперением и визжащие от страха животные. Он провел ее через рынок де Бюси, и в ушах у них долго звенели голоса уличных торговцев, на все лады расхваливавших достоинства своих товаров – свежих помидоров в плетеных корзинах, устриц на подстилке из морских водорослей, сыров с изящными этикетками. Они посетили Монпарнас и закончили свое путешествие по Парижу на Центральном рынке, где в четыре часа утра ели луковый суп вместе с мясниками и водителями грузовиков. По дороге Ларри приобрел массу друзей. Ноэль поняла, что он расположил их к себе своим заразительным смехом. Он и ее научил смеяться, и она никогда не предполагала, что у нее в душе столько смеха. Похоже, Бог наградил ее этим даром. Она была благодарна Ларри и очень любила его. На рассвете они вернулись в гостиницу. Ноэль совсем обессиленна, а Ларри по-прежнему был неутомим и полон энергии, как динамо-машина. Ноэль наблюдала за ним, лежа в постели. Он стоял у окна и смотрел, как над парижскими крышами восходит солнце.

– Я люблю Париж, – говорил он. – Он похож на волшебный замок, где есть все, что нужно человеку. Это город красоты, пищи и любви. – Он повернулся к ней и с улыбкой добавил: – Не обязательно в таком порядке.

Ноэль продолжала наблюдать за ним, пока он раздевался, забирался в постель и ложился рядом с ней. Она крепко обняла его. Ей нравилось чувствовать его тело, его мужской запах. Ноэль подумала об отце, который так бессовестно предал ее. Она была не права, когда судила обо всех мужчинах по нему и Огюсту Ланшону. Теперь она знала, что есть такие мужчины, как Ларри Дуглас. И еще она поняла, что для нее никогда в жизни не будет никого другого.

– Знаешь, принцесса, кто были два самых великих человека на Земле?

– Ты, – ответила принцесса.

– Уилбер и Орвилл Райты. Они дали человечеству настоящую свободу. Ты когда-нибудь летала? – Она отрицательно покачала головой. – У нас было дачное место в конце Лонг-Айленда. Ребенком я подолгу смотрел, как, рассекая воздух, там, над пляжем, летают чайки, и все бы отдал, чтобы парить вместе с ними. Я уверен, что, еще не научившись ходить, хотел стать летчиком. Когда мне было девять лет, один из друзей нашей семьи поднял меня в воздух на старом биплане, а в четырнадцать я начал учиться водить самолет. По-настоящему я живу только в воздухе. – Он продолжал: – Надвигается мировая война. Германия хочет завладеть всем миром.

– Франции ей не видать, Ларри. Никому не удастся преодолеть «Линию Мажино».

Ларри громко и презрительно рассмеялся:

– Да я сто раз ее преодолевал.

Она бросила на него недоуменный взгляд.

– По воздуху, принцесса. Это будет война в воздухе... моя война. – А потом как бы невзначай добавил: – А почему бы нам не пожениться?

Это был самый счастливый момент в жизни Ноэль.

В воскресенье Ноэль и Ларри решили отдохнуть и ничего не делать. Они позавтракали в одном из кафе на Монмартре, вернулись в номер и почти весь день провели в постели. Ноэль просто не верилось, что мужчина может быть таким страстным.

Какое блаженство заниматься с ним любовью! Но ей доставляло не меньшую радость лежать рядом с ним и слушать его или наблюдать, как он беспокойно ходит по комнате. Ей было достаточно одного его присутствия. Чего только не случается в жизни, думала Ноэль. В детстве отец называл ее принцессой, и вот теперь, пусть даже в шутку, Ларри тоже зовет ее так. Рядом с ним она чувствовала себя человеком. Он возродил в ней веру в мужчин. Он представлял для нее целый мир, ее собственный мир, и Ноэль знала, что большего ей и не нужно, и никак не могла поверить в свое счастье. Она считала, что ей необыкновенно повезло, поскольку Ларри относился к ней так же.

– Я не собирался жениться, пока не кончится война, – сказал Ларри. – Но теперь мне плевать на все. Ведь планы для того и существуют, чтобы нарушать их, верно, принцесса?

Ноэль кивнула головой в знак согласия.

– Давай обвенчаемся где-нибудь в сельской местности, – предложил Ларри. – Конечно, если только ты не хочешь, чтобы у нас была пышная свадьба.

Ноэль охотно согласилась с ним:

– Венчаться в сельской местности – это просто чудесно!

Ларри кивнул головой:

– Решено. Сегодня вечером мне надо вернуться в полк. Встретимся здесь же в следующую пятницу. Тебя это устраивает?

– Я... не знаю, смогу ли я жить без тебя так долго, – ответила Ноэль, и у нее задрожал голос.

Ларри крепко обнял ее и прижал к себе.

– Ты меня любишь? – спросил он.

– Больше жизни, – сказала Ноэль просто и искренне.

Через два часа Ларри уже возвращался в Англию. Он не позволил Ноэль проводить его в аэропорт.

– Я не люблю прощаний, – объяснил он ей. Ларри протянул ей целую пачку франков. – Купи себе свадебный наряд, принцесса. Увидимся на следующей неделе.

И он уехал.

Неделю Ноэль не могла прийти в себя от счастья. Она бродила по тем кварталам Парижа, где они гуляли вместе с Ларри, и часами мечтала об их будущей совместной жизни. И все же дни тянулись крайне медленно, минуты вырастали в долгие часы, и ей казалось, что она сойдет с ума от ожидания.

Она обошла с десятков магазинов в поисках подвенечного платья и наконец нашла то, что хотела. Она купила красивый свадебный наряд из белой прозрачной жесткой ткани с закрытым прилегающим лифом, длинными рукавами, застежкой из шести перламутровых пуговиц и тремя кринолиновыми нижними юбками. Платье стоило гораздо больше, чем Ноэль предполагала, но она взяла его не раздумывая, потратив не только все деньги, оставленные ей Ларри, но и почти все личные сбережения. Она изо всех сил старалась угодить Ларри, постоянно думала, как бы сделать ему приятное, отыскивая в памяти эпизоды из своего прошлого, которые могли бы его позабавить. Она чувствовала себя школьницей.

Итак, сгорая от нетерпения, Ноэль ждала пятницы, и, когда долгожданная пятница наконец наступила, встала на заре и два часа потратила на то, чтобы вымыться и получше одеться. Одно за другим она меняла платья, пытаясь определить, какое из них может больше всего понравиться Ларри. Она надела свадебный наряд, но тут же сняла его, подумав, что это дурная примета. Она с ума сходила от волнения.

В десять часов Ноэль стояла в спальне перед трюмо в полной уверенности, что никогда в жизни она не выглядела такой красивой. Она любовалась своей красотой без всякого тщеславия. Ноэль попросту радовалась, что сможет сделать приятное Ларри. К двенадцати часам дня Ларри все еще не появился, и Ноэль пожалела, что не спросила, в котором часу он приедет. Через каждые десять минут она звонила дежурному администратору гостиницы и спрашивала, не поступало ли для нее каких-нибудь сообщений, и то и дело снимала трубку, чтобы убедиться в исправности телефонного аппарата. К шести часам вечера от Ларри все еще не было никаких вестей. К полуночи он так и не позвонил. Свернувшись калачиком, Ноэль сидела в кресле напротив телефона и ждала звонка, моля Бога, чтобы Ларри все же позвонил. Она заснула и проснулась уже в субботу на рассвете в том же кресле. У нее затекло все тело, и ей было холодно. Платье, которое она так тщательно выбирала, смялось, и на чулке поехала петля.

Ноэль переделалась, но целый день не выходила из номера. Сидя у открытого окна, девушка пыталась убедить себя, что, если она останется там, Ларри обязательно появится; если же уйдет, то с ним случится что-то страшное. Прошло утро, наступила вторая половина субботнего дня, но никто не приходил. Она была уверена, что с Ларри произошло несчастье. Наверное, его самолет разбился, и теперь он лежит где-нибудь в открытом поле или в госпитале тяжело раненный или убитый. Ноэль лезли в голову всякие кошмары. В субботу она просидела у окна всю ночь, мучаясь неизвестностью и боясь выйти из номера, потому что у нее не было возможности связаться с Ларри.

В воскресенье к двенадцати часам дня от него так и не поступило никаких вестей, и у Ноэль сдали нервы. Нужно позвонить ему. Но как? Сейчас, когда идет война, очень трудно заказать разговор с Англией. К тому же Ноэль вовсе не была уверена, что Ларри находится именно там. Она знала только, что он летает в составе американской эскадрильи, входящей в английские ВВС. Ноэль сняла трубку и поговорила с телефонисткой.

– Это невозможно, – получила она твердый ответ.

Ноэль объяснила, в чем дело, и то ли благодаря ее красноречию, то ли из-за звучавшего в ее голосе безумного отчаяния – она сама не могла сказать почему – через два часа ее соеди-

нили с министерством обороны в Лондоне. Там не смогли помочь, но переключили ее на министерство военно-воздушных сил в Уайтхолле, а те связали ее с Управлением боевых действий, где повесили трубку, не дав никакой информации. Ей удалось вновь дозвониться только через четыре часа, но к тому времени она была близка к истерике. В Управлении военно-воздушных операций ей также не смогли ничего сказать о Ларри и предложили вновь обратиться в министерство обороны.

– Я уже говорила с ними! – закричала Ноэль в трубку истощенным голосом. Она начала рыдать, и мужской голос на другом конце провода смущенно произнес по-английски:

– Успокойтесь, мисс, ведь ничего страшного не случилось. Подождите минуточку.

Ноэль продолжала держать трубку, но в душе она знала, что все это ни к чему, поскольку Ларри больше нет в живых и она даже никогда не узнает, где и как он погиб. Она уже собиралась повесить трубку, когда вновь услышала тот же голос, который теперь звучал гораздо бодрее:

– Мисс, вам нужно обратиться в «Орлиную эскадрилью». Там одни янки, и они базируются в Йоркшире. Это в общем-то не положено, но я соединю вас с их аэродромом «Черч Фентон». Местные ребята смогут вам помочь.

Тут их разъединили.

Когда Ноэль удалось вновь дозвониться до аэродрома, было уже одиннадцать часов вечера. Послышался прерывающийся голос:

– Воздушная база «Черч Фентон».

Слышимость была настолько плохой, что Ноэль едва разбирала, что ей говорят. Казалось, что голос доносится со дна морского. На другом конце провода ее явно не понимали.

– Говорите, пожалуйста, – сказали ей. К тому моменту нервы у нее совсем сдали, и она едва владела голосом.

– Позовите, пожалуйста... – Она даже не знала его звания. Лейтенант? Капитан? Майор? – Позовите, пожалуйста, Ларри Дугласа. Его спрашивает невеста.

– Мисс, я вас не слышу. Пожалуйста, говорите громче!

Впадая в панику, Ноэль вновь прокричала те же слова. Она была уверена, что человек на другом конце провода старается скрыть от нее, что Ларри нет в живых. Совершенно неожиданно слышимость стала идеальной. Создавалось впечатление, что говорят из соседней комнаты. Четкий голос переспросил ее:

– Лейтенанта Ларри Дугласа?

– Да, – ответила Ноэль, с трудом сдерживаясь.

– Подождите минуточку.

Ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем тот же голос произнес:

– Лейтенант Дуглас отпущен в увольнение на субботу и воскресенье. Если у вас что-нибудь срочное, его можно застать в танцевальном зале гостиницы «Савой» на вечеринке у генерала Дэвиса.

На этом связь прервалась.

* * *

На следующее утро горничная, собравшаяся навести порядок в номере Ноэль, застала ее на полу почти без чувств. Секунду она смотрела на Ноэль, намереваясь просто убрать помещение и уйти. Однако сделать это не решилась. Почему подобные вещи случаются именно в ее номерах?

Она подошла к Ноэль и дотронулась до ее лба. У Ноэль явно был жар. Ворча под нос, горничная поплелась в холл и попросила портье послать за управляющим. Через час к гостинице подъехала карета «скорой помощи» и два молодых врача с носилками направились к Ноэль в

номер. Ноэль была без сознания. Старший из двух врачей приподнял у нее веко, приставил стетоскоп к ее груди и послушал, как она дышит. Он обнаружил у Ноэль хрипы в легких.

– Пневмония, – сказал он своему коллеге. – Давай-ка заберем ее отсюда.

Они положили Ноэль на носилки, и через пять минут карета «скорой помощи» уже везла ее в больницу. Ноэль тут же поместили в кислородную палатку, и только через четыре дня она окончательно пришла в сознание. Ей так не хотелось всплывать на поверхность из мрачно-зеленых глубин забытья. Подсознательно она чувствовала, что произошло что-то ужасное, и изо всех сил заставляла себя ни в коем случае не дать вспомнить, что же это было. Однако постепенно память стала возвращаться к Ноэль, а вместе с ней и то ужасное, от чего она так отстранялась. Внезапно она ясно вспомнила все и осознала причину своих страданий. Ларри Дуглас. Ноэль начала плакать, плач перерос в душераздирающие рыдания, и в конце концов силы покинули ее. Она впала в полузабытье. Ноэль почувствовала, как кто-то осторожно взял ее за руку. Ей почудилось, что вернулся Ларри и что теперь все будет хорошо. Ноэль открыла глаза и увидела перед собой незнакомца в белом халате, который проверял у нее пульс.

– Ну что ж, с выздоровлением! – радостно сказал он.

– Где я? – спросила Ноэль.

– В городской больнице «Отель Дье».

– Что я здесь делаю?

– Поправляетесь. У вас было двустороннее воспаление легких. Меня зовут Израэль Кац. Он был молод, и на его волевом и умном лице светились глубоко посаженные карие глаза.

– Вы мой доктор?

– Я врач-практикант, – ответил он. – Я привез вас сюда. – Он улыбнулся. – Я рад, что вы справились с болезнью. Мы не были в этом уверены.

– Давно я здесь?

– Четыре дня.

– Не могли бы вы оказать мне услугу? – попросила Ноэль тихим голосом.

– Попробую.

– Позвоните в гостиницу «Лафайет» и спросите их... – Она запнулась. – Спросите их, нет ли для меня каких-нибудь сообщений.

– Вы знаете, я ужасно занят...

Ноэль со всей силой сжала ему руку.

– Прошу вас. Это очень важно. Мой жених пытается связаться со мной.

Он улыбнулся.

– Я не виню его. Хорошо. Я позабочусь об этом, – пообещал он. – А теперь вам нужно немного поспать.

– Пока вы не узнаете то, о чем я вас просила, я не смогу заснуть.

Он ушел, а Ноэль лежала и ждала, когда он вернется. Конечно же, Ларри пытался связаться с ней. Здесь какое-то недоразумение. Он ей все объяснит, и тогда жизнь снова наладится.

Израэль Кац вернулся только через два часа. Он подошел к ее кровати и поставил чемодан.

– Я привез ваши вещи. Я сам съездил в гостиницу, – сказал он.

Она посмотрела на него, и он заметил, как ей не терпится узнать, что ответили в гостинице.

– Мне очень жаль, – продолжил он, смущаясь, – но сообщений нет.

Ноэль долго смотрела на него, затем повернулась лицом к стене. Она хотела заплакать, но у нее не было слез.

Через два дня Ноэль выписали из больницы. Израэль Кац пришел попрощаться с ней.

– Вам есть куда пойти? – спросил он. – Вы работаете?

Она отрицательно покачала головой.

- Чем вы занимались?
- Была манекенщицей.
- Возможно, я смогу помочь вам.

Она тут же вспомнила водителя такси и мадам Дели.

- Мне не нужна помощь, – ответила она.

Израэль Кац взял листок бумаги, написал на нем чью-то фамилию и протянул ей.

- Если вдруг передумаете, зайдите к ней. Моя тетка – хозяйка небольшого дома моды.

Я поговорю с ней о вас. У вас есть деньги?

Ноэль ничего не ответила.

- Вот, возьмите.

Он вынул из кармана несколько франков и отдал ей.

- Простите меня, но у меня больше нет. Врачи-практиканты получают мало.

- Спасибо, – поблагодарила его Ноэль.

Она зашла в небольшое кафе и взяла чашку кофе. Сидя за столиком, девушка задумалась о своей жизни, вернее, о том, что от нее осталось. Ноэль знала, что ей нужно выжить, потому что на то была причина. Она сгорала от всепоглощающей ненависти, целиком заполнившей ее душу. Она превратилась в мстительную птицу Феникс, поднявшуюся из пепла чувств, которые убил в ней Ларри Дуглас. Теперь она не успокоится до тех пор, пока не уничтожит его. Ноэль еще не знала, когда и как она сделает это, но ничуть не сомневалась, что в один прекрасный день добьется своего.

Сейчас ей нужны работа и крыша над головой. Ноэль открыла сумочку и достала оттуда листок бумаги, который дал ей молодой врач. Она прочитала, что там написано, и приняла решение. Во второй половине дня Ноэль отправилась к тетушке Израэля Каца и получила работу манекенщицы во второразрядном доме моды на улице Бурсо.

Тетушка Каца оказалась седоватой женщиной средних лет с лицом гарпии и душой ангела. Для всех работающих у нее девушек она была матерью, и они обожали ее. Тетушку звали мадам Роз. Она выдала Ноэль аванс в счет будущей зарплаты и подыскала ей крохотную квартирку недалеко от ателье. Начав распаковывать вещи, Ноэль прежде всего повесила в шкаф свое подвенечное платье. Она поместила его на видном месте, чтобы оно было первым, что она видит, просыпаясь утром, и последним, раздеваясь вечером перед сном.

Ноэль знала о своей беременности еще до того, как появились ее первые признаки, до того, как она сделала соответствующие анализы, и до того, как у нее прекратились регулы. Она чувствовала, что в ней зарождается новая жизнь. По ночам, лежа в постели и смотря в потолок, Ноэль постоянно думала об этом, и глаза ее светились первобытной, животной радостью.

Как только у нее выдался свободный день, Ноэль позвонила Израэлю Кацу, и они договорились позавтракать вместе.

- Я беременна, – призналась она ему.
- Откуда вы знаете? Вы уже сделали анализы?
- Мне не нужны анализы.

Он укоризненно покачал головой:

– Ноэль, многие женщины думают, что у них будет ребенок, когда для этого нет никаких оснований. Давно у вас прекратились регулы?

Ноэль нетерпеливо отмахнулась от его вопроса.

- Мне нужна ваша помощь.

Он с недоумением посмотрел на нее.

- Вы хотите избавиться от ребенка? А с его отцом вы советовались?

- Его здесь нет.

- Вы знаете, что аборт запрещен? У меня могут быть крупные неприятности.

С минуту Ноэль изучала его.

– Какова ваша цена?

Его лицо исказилось злобой.

– Ноэль, вы полагаете, что все продается и покупается?

– Конечно, – простодушно ответила она. – Все продается и покупается.

– И к вам это тоже относится?

– Да, но я стою очень дорого. Так вы мне поможете?

Он долго колебался.

– Хорошо. Но сначала нужно сделать кое-какие анализы.

– Договорились.

На следующей неделе Израэль Кац пригласил Ноэль в больничную лабораторию. Когда через два дня поступили результаты анализов, он позвонил ей на работу.

– Вы были правы, – сообщил он Ноэль. – Вы беременны.

– Я знаю.

– Я договорился в нашей больнице, и вам сделают выскабливание. Я заявил им, что ваш муж погиб в результате несчастного случая и поэтому вы не можете позволить себе иметь ребенка. Операция в субботу.

– Нет, – ответила она.

– Суббота для вас неудобный день?

– Я пока не готова к аборту, Израэль. Я просто хотела убедиться, что могу рассчитывать на вашу помощь.

Мадам Роз заметила, что Ноэль переменилась, и не только физически, но и духовно. Где-то глубоко в душе у нее появился какой-то свет, даже сияние, и это отражалось на всем ее существе. У Ноэль с лица не сходила загадочная улыбка, которая как бы говорила окружающим: «Смотрите, я ношу в себе замечательную тайну».

– Вы завели любовника, – сказала ей как-то мадам Роз. – По глазам вижу.

Ноэль утвердительно кивнула головой:

– Да, мадам.

– Это на вас благотворно действует. Держитесь за него.

– Я постараюсь, – пообещала Ноэль. – Буду держаться за него, пока смогу.

Через три недели ей позвонил Израэль Кац.

– Вы не даёте о себе знать, – упрекнул он ее. – Я уж подумал, что вы забыли об этом.

– Нет, – возразила Ноэль. – Я только об этом и думаю.

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно.

– Я тут все смотрю на календарь. Думаю, что пора браться за дело.

– Я еще не готова, – настаивала Ноэль.

Прошло три недели, и Израэль Кац снова позвонил ей.

– Как вы относитесь к тому, чтобы пообедать со мной? – спросил он.

– Я согласна.

Они договорились встретиться в дешевом кафе на рю де Ша Ки Пеш. Ноэль стала предлагать пойти в более приличный ресторан, но вспомнила, как Израэль говорил, что врачипрактиканты мало получают.

Когда она пришла, он уже ждал ее. Во время обеда они вели отвлеченную беседу, и только после того, как подали кофе, Израэль заговорил о том, что было у него на уме.

– Вы по-прежнему намерены сделать аборт? – спросил он.

Ноэль удивленно посмотрела на него.

– Конечно.

– Тогда его нужно делать немедленно. Беременность у вас уже перевалила за два месяца.

Ноэль отрицательно покачала головой.

- Нет, Израэль, пока еще рано.
- Это ваша первая беременность?
- Да.

– Тогда позвольте мне вам кое-что сказать, Ноэль. Если беременность длится менее трех месяцев, аборт обычно сделать легко. Зародыш еще не полностью сформировался, и достаточно простого выскабливания. Однако после трех месяцев беременности, – он сделал паузу, – нужна уже другая операция, и аборт становится опасным. Чем дольше вы ждете, тем опаснее вся эта процедура. Поэтому я хочу, чтобы вы сделали операцию сейчас.

Ноэль наклонилась к нему.

– Как выглядит ребенок?

– Сейчас? – Он пожал плечами. – Просто скопище клеток. Разумеется, в них уже присутствуют ядра, необходимые для окончательного формирования человеческого существа.

– А после трех месяцев?

– Зародыш начинает превращаться в человека.

– Он что-нибудь чувствует?

– Он реагирует на удары и сильные шумы.

Она осталась в той же позе и смотрела ему прямо в глаза.

– А боль он чувствует?

– Полагаю, что да. Однако он защищен сумкой из водной оболочки. – Израэль Кац испытывал неприятное возбуждение. – Довольно трудно чем-нибудь причинить ему боль.

Ноэль опустила глаза и сидела, глядя прямо перед собой, на столик. Она молчала, и вид у нее был задумчивый.

Израэль Кац с минуту изучал ее, а затем застенчиво сказал:

– Ноэль, если вы хотите оставить ребенка и боитесь сделать это только потому, что у ребенка не будет отца... я готов жениться на вас и дать ему свое имя.

Она удивленно подняла голову:

– Я ведь уже сказала вам, что не хочу этого ребенка. Мне нужен аборт.

– Тогда, ради Бога, сделайте его! – закричал Израэль.

Он понизил голос, заметив, что другие посетители кафе обращают на него внимание.

– Если вы и дальше собираетесь тянуть с абортom, ни один врач во Франции не станет возиться с вами. Неужели вы этого не понимаете? Если пропустите срок, можете умереть!

– Я понимаю, – тихо ответила Ноэль. – Положим, я решила сохранить ребенка. Какую диету вы мне пропишете?

Совершенно сбитый с толку, он в волнении провел рукой по волосам.

– Побольше молока и фруктов и постное мясо.

В тот же вечер по дороге домой на ближайшем рынке Ноэль купила два литра молока и большую коробку фруктов.

Через десять дней Ноэль зашла в кабинет к мадам Роз, заявила ей, что беременна, и попросила отпуск.

– На сколько? – спросила мадам Роз, разглядывая фигуру Ноэль.

– На шесть-семь недель.

Мадам Роз вздохнула:

– Ты уверена, что поступаешь правильно?

– Уверена, – ответила Ноэль.

– Чем тебе помочь?

– Ничем.

– Ну что ж. Возвращайся, как только сможешь. Я попрошу кассира выдать тебе аванс в счет будущей зарплаты.

– Спасибо, мадам.

* * *

В течение следующего месяца Ноэль практически не выходила из дома. Разве что в бакалейную лавку за продуктами. Голода она не чувствовала и ела в общем-то мало, однако в огромных количествах пила молоко и набивала желудок фруктами – для ребенка. Ноэль не чувствовала себя одинокой. В ней было дитя, и она постоянно разговаривала с ним. Она интуитивно определила, что это мальчик, точно так же, как сразу догадалась, что беременна. Ноэль назвала его Ларри.

– Я хочу, чтобы ты вырос большим и сильным, – говорила она, поглощая очередную порцию молока. – Я хочу, чтобы ты был здоровым... здоровым и сильным, когда тебе придется умирать.

Каждый день она часами лежала на кровати, обдумывая, как же лучше отомстить Ларри и его сыну. Она не признавала своим то, что росло у нее в животе. Это принадлежало ему, и она собиралась убить ненавистное существо. Оно было единственным, что он оставил ей, и она уничтожит его так же, как Ларри уничтожил ее.

Израэль Кац ничего не понял в ней! Ее вовсе не интересовал бесформенный зародыш, лишенный ощущений. Она хотела, чтобы Ларрино отродье почувствовало, что его ждет, чтобы оно страдало не меньше, чем она сама. Теперь подвенечное платье висело рядом с ее кроватью, всегда на виду – своеобразное олицетворение зла, вечное напоминание о его предательстве.

Сначала сын Ларри, а потом и он сам.

То и дело звонил телефон, но Ноэль не вставала с кровати и как одержимая думала о своем. В конце концов звонки прекратились. Она была уверена, что звонил Израэль Кац.

Однажды вечером кто-то начал колотить в дверь. Ноэль продолжала лежать. Однако дубасивший не унимался. Пришлось подняться и открыть.

На пороге стоял Израэль Кац, и лицо его выражало глубокое беспокойство.

– Боже мой, Ноэль, я вам звонил несколько дней подряд.

Он посмотрел на ее разбухший живот.

– Я подумал, что вы сделали это где-нибудь в другом месте.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, вы сделаете это.

Израэль уставился на нее.

– Неужели вы ничего не поняли из того, что я вам говорил? Теперь уже поздно! Никто не станет делать этого.

Он бросил взгляд на пустые бутылки из-под молока и свежие фрукты на столе, а затем вновь повернулся к Ноэль.

– Ведь вы же хотите оставить ребенка, – продолжал он. – Почему вы тогда не признаетесь в этом?

– Скажите мне, Израэль, какой он сейчас?

– Кто?

– Ребенок. Есть у него глаза и уши? Пальцы на руках и ногах? Чувствует ли он боль?

– Ради Бога, Ноэль, прекратите. Вы говорите, словно... словно... – Он в отчаянии стал крутить головой. – Я вас не понимаю.

Она мягко улыбнулась:

– Да, вы меня не понимаете.

С минуту он молчал, над чем-то раздумывая.

– Ладно, ради вас я решусь сунуть голову в петлю, но если вы действительно намерены делать аборт, давайте займемся этим немедленно. Среди моих друзей есть врач, который мне кое-чем обязан. Он...

– Нет.

Он уставился на нее.

– Ларри еще не готов, – сказала Ноэль.

Через три недели в четыре часа утра Израэля Каца разбудил разгневанный консьерж. Он барабанил в дверь его комнаты и кричал:

– Вас к телефону, месье Полуночник! И скажите тому, кто вам звонит, что сейчас глубокая ночь; в это время все порядочные люди спят!

Израэль с трудом поднялся с кровати и сонный поплелся в холл, к телефону, теряясь в догадках, что же могло случиться.

– Израэль?

Голос на другом конце провода показался ему незнакомым.

– Да, я слушаю.

– Скорее... – говорили каким-то бесплотным шепотом, который звучал как из преисподней.

– Кто это?

– Скорее. Приезжайте скорее, Израэль...

Было что-то жуткое в этом голосе, что-то сверхъестественное, такое, что мороз драл по коже.

– Ноэль?

– Скорее...

– Ради Бога! – взорвался он. – Я не стану этого делать. Уже слишком поздно. Вы умрете, а я не хочу нести ответственность за вашу смерть. Приезжайте в больницу.

В ухе у Израэля раздался щелчок, и он остался с трубкой в руке. Он бросил трубку и вернулся в комнату. У него помутилось в голове. Он знал, что ничем не может ей помочь. Теперь, при сроке беременности в пять с половиной месяцев, ничего нельзя сделать. Ведь он неоднократно предупреждал ее, но она его не послушала. Что ж, пусть пеняет на себя. Он умывает руки.

Холодея от ужаса, он стал лихорадочно одеваться.

Когда Кац вошел в квартиру Ноэль, она лежала на полу в луже крови. От обильного кровотечения у нее мертвенно побледнело лицо, но на нем не отразились те нечеловеческие муки, которые, по всей вероятности, испытывало ее тело. На Ноэль было что-то похожее на подвенечное платье. Израэль опустился на колени рядом с ней и спросил:

– Что случилось? Как...

Он тут же замолк, потому что в глаза ему бросилась окровавленная, искривленная одежная вешалка, валявшаяся у ее ног.

– Боже мой! – Его вдруг охватил гнев. В то же время он ужасно растерялся, потому что не мог справиться с чувством собственной беспомощности. Кровотечение усилилось, и нельзя было терять ни секунды. – Я вызову «скорую помощь», – сказал он, поднимаясь на ноги.

Ноэль потянулась, схватила его за руку и с невиданной силой потащила к себе.

– Ребенок Ларри мертв, – прошептала она, и лицо ее озарилось прекрасной улыбкой.

В течение пяти часов группа из шести врачей боролась за жизнь Ноэль. В диагнозе ее болезни значились септическое отравление, множественные разрывы матки, заражение крови и шоковое состояние. Все врачи сходились на том, что Ноэль едва ли будет жить. К шести часам вечера кризис миновал, а через два дня Ноэль уже сидела на кровати и могла говорить. Израэль пришел ее проведать.

– Все врачи считают, что вы чудом выжили, Ноэль.

Она отрицательно покачала головой. Ей еще рано умирать. Она нанесла Ларри свой первый удар, но отмщение только начинается. Впереди его ждет месть пострашнее. Гораздо страшнее. Но сначала надо найти его. На это потребуется время, но она отыщет Ларри.

3

Кэтрин Чикаго, 1939–1940 годы

По Европе гуляли ветры войны. Они дули все сильнее и уже долетали до Соединенных Штатов Америки. Правда, по дороге они слабели и достигали американских берегов лишь в виде легких зефиров, но это был верный признак надвигавшейся опасности.

В Северо-Западном университете все больше молодых людей поступало на службу подготовки офицеров резерва, студенты проводили собрания, на которых требовали, чтобы президент Рузвельт объявил войну Германии, и кое-кто из старшекурсников уходил в армию. Однако большинство по-прежнему безмятежно купались в море самодовольства, и подводные течения, захлестнувшие всю страну, были пока едва заметны.

В один из октябрьских дней после занятий Кэтрин Александер спешила в «Насест», где продолжала работать кассиршей. По дороге она задавала себе вопрос: изменится ли ее жизнь, если США вступят в войну? Кэтрин понимала, что кое-что она должна изменить сама, и как можно скорее. Она была полна решимости сделать это. Ей отчаянно хотелось испытать то чувство, когда мужчина держит женщину в объятиях и занимается с ней любовью. Кэтрин жаждала этого не только в силу физической потребности. Она знала, что упускает нечто важное и замечательное. «Боже мой, – думала она, – а вдруг я попаду под машину, меня увезут в морг и обнаружат, что я девственница. Какой ужас! Нет, надо что-то предпринять, и немедленно».

Кэтрин внимательно обвела глазами весь «Насест», но не нашла того, кого искала. Через полчаса в закуской появился Рон Питерсон вместе с Джин-Энн. У Кэтрин сильно забило сердце и по телу побежали мурашки. Когда оба проходили мимо нее, она отвернулась, но краем глаза заметила, что они отправились в кабинку Рона и расположились там. В зале были протянуты большие полотнища: «ПОПРОБУЙТЕ НАШ ОСОБЫЙ ДВОЙНОЙ ГАМБУРГЕР!»... «ВКУСИТЕ НАШ ВОСТОРГ ЛЮБОВНИКА»... «ОТВЕДАЙТЕ НАШЕГО ТРОННОГО СОЛОДОВОГО НАПИТКА!»

Кэтрин сделала глубокий вдох и направилась к кабинке. Рон Питерсон изучал меню и раздумывал, что бы ему заказать.

- Сам не знаю, чего хочу! – воскликнул он.
- Ты очень хочешь есть? – спросила Джин-Энн.
- Просто умираю с голоду.
- Тогда попробуй это.

Оба с удивлением подняли головы. У входа в кабинку стояла Кэтрин. Она передала Рону Питерсону сложенную записку, повернулась и пошла назад к кассе.

Рон развернул записку, прочитал ее и расхохотался. Джин-Энн бросила на него довольно холодный взгляд.

- Это шутка личного характера или с ней могут ознакомиться и другие?
- Личного, – ответил Рон с улыбкой и положил листок в карман.

Вскоре Рон и Джин-Энн ушли. Расплачиваясь в кассе, Рон не проронил ни слова, но слегка задержался, многозначительно посмотрел на Кэтрин, улыбнулся и вышел вместе с Джин-Энн, которая повисла у него на руке. Кэтрин проводила их взглядом, чувствуя себя идиоткой. Она даже не сумела как следует подколоться к парню.

По окончании смены Кэтрин надела пальто, попрощалась с девушкой, которая села за кассу, и поспешила на улицу. Был теплый осенний вечер. С озера дул прохладный ветерок. Небо напоминало пурпурный бархат. На нем мягко светились редкие и далекие звезды. Прекрасный вечер! Как же провести его? Кэтрин перебрала в уме все варианты.

«Можно пойти домой и вымыть голову».

«Отправиться в библиотеку и подготовиться к завтрашнему экзамену по латинскому языку».

«Сходить в кино».

«Спрятаться в кустах и изнасиловать первого попавшегося матроса».

«Изолировать себя от общества».

Изолировать от общества, решила она.

Когда Кэтрин шла через студенческий городок в направлении библиотеки, из-за фонарного столба появился какой-то человек.

– Привет, Кэти! Куда путь держишь?

Перед ней стоял Рон Питерсон. Он смотрел на нее сверху вниз и добродушно улыбался. У девушки так забилося сердце, что, казалось, оно вот-вот выскочит из груди. Кэтрин уже видела, как оно вырывается наружу и летит по воздуху. Тут она заметила, что Рон пристально смотрит на нее. Ничего удивительного. Он ведь не встречал девушек, у которых сердца вытворяют такие штуки. Ей отчаянно захотелось причесать волосы, поправить на лице косметику и проверить швы на чулках, но она постаралась ничем не выдать своего нервного состояния. Правило номер один: сохраняй спокойствие.

Кэтрин пробормотала что-то невнятное.

– Куда ты направляешься?

Может быть, перечислить ему все, что она собиралась сделать? Нет, ни в коем случае. Он сочтет ее сумасшедшей. Ей вдруг выдалась такая прекрасная возможность, и не надо допускать ошибок, которые могут свести ее на нет. Кэтрин посмотрела на него снизу вверх ласковым и манящим взглядом, как Кароль Ломбард в фильме «Ничего святого».

– У меня нет никаких особых планов, – приветливо ответила она.

Рон все еще не был уверен в ней и продолжал изучать ее. Некий первобытный инстинкт подсказывал ему, что надо действовать осторожно.

– Тебе не хочется чего-то особенного? – спросил он.

Наконец-то! Он предлагает ей то, о чем она мечтает. Теперь пути назад нет.

– Ты только скажи, и я буду твоей, – ответила она, в душе умирая от страха. Ее слова звучали сентиментально и старомодно. Так говорят только герои романов. Эта ужасная фраза может вызвать у него отвращение. Он просто повернется и уйдет.

Однако Рон не ушел. К ее великому удивлению, он улыбнулся, взял ее под руку и сказал:

– Тогда пойдём.

Измученная Кэтрин пошла с ним. Все, оказывается, так просто. Ее ведут на случку. В душе она испытывала страшное волнение. Если Рон вдруг обнаружит, что она девственница, всему конец. А о чем с ним разговаривать в постели? Позволяют ли себе партнеры какие-нибудь разговоры во время полового сношения? Или они ждут, пока все закончится? Кэтрин вовсе не хотела быть грубой, но она не знала, как принято вести себя в подобных случаях.

– Ты обедала? – спросил ее Рон.

– Обедала? – переспросила она и уставилась на него, не зная, что ответить. Сказать, что обедала? Тогда он сразу поведет ее в постель, и она наконец разделается с этим.

– Нет, – выпалила она, – я не обедала. «Ну зачем я так сказала? Ведь я же все испортила!»

Однако Рона это ничуть не опечалило.

– Прекрасно! Тебе нравится китайская кухня?

– Да, я люблю ее больше всего! – Кэтрин ненавидела китайские кушанья, но в самую ответственную ночь в ее жизни боги наверняка простят ей эту ничтожную ложь.

– Там в Эстисе есть приличный китайский кабаk «Лум Фонгз». Слышала о таком?

Нет, но она будет помнить это название всю свою жизнь.

– *Что ты делала в тот вечер, когда потеряла невинность?*

– *О, сначала я зашла в «Лум Фонгз» и попробовала несколько китайских блюд с Роном Питерсоном.*

– *Тебе понравилось?*

– *Еще бы! Но вы же знаете китайскую кухню. Уже через час я опять захотела мужчину.*

Они подошли к его машине темно-бордового цвета с откидывающимся верхом. Рон открыл Кэтрин дверцу, и она уселась на сиденье, на котором когда-то располагались все другие девушки, вызывавшие у нее такую зависть. Рон был красив и обаятелен. К тому же настоящий атлет. И сексуальный маньяк. Вот неплохое название для фильма, в котором они могли бы сыграть, – «Сексуальный маньяк и девственница». Пожалуй, ей нужно было настоять, чтобы они отправились в более приличный ресторан, такой, как, например, «Энричи» в Лупе⁵. Тогда бы Рон подумал: «Это та девушка, которую я хочу пригласить домой и познакомить со своей матерью».

– О чем ты задумалась? – спросил он.

Что ж, великолепно! Все в порядке! Язык-то у него подвешен не лучше всех в мире. Но разумеется, она пошла с ним не по этой причине, разве не так? Кэтрин очень мило посмотрела на него.

– Я как раз думала о тебе.

Она прижалась к нему. Он улыбнулся.

– Ты здорово провела меня, Кэти.

– Я?

– Я все время думал, что ты очень чопорная... Ну в общем, совсем не интересуешься мужчинами.

«Ты собирался сказать “лесбиянка”», – подумала Кэтрин, а вслух произнесла:

– Я просто сама люблю выбирать время и место.

– Я рад, что ты выбрала меня.

– Я тоже.

Она действительно была рада. Она ничуть не сомневалась, что Рон отличный любовник. Он, если так можно выразиться, прошел заводские испытания и получил одобрение всех сексуально озабоченных студенток в радиусе двухсот пятидесяти километров. Было бы унижительно обрести свой первый сексуальный опыт с кем-нибудь столь же неосведомленным, как она сама. В лице Рона она получила мастера своего дела. После сегодняшней ночи она больше не будет называть себя Святой Кэтрин. Теперь она, наверное, станет известна как Кэтрин Великая. И впредь ей уже не придется теряться в догадках, что же стоит за словом «Великая». Никто не сравнится с ней в постели. Самое главное – не поддаваться панике. Все то замечательное, что она прочла в маленьких зеленых книжечках, которые прятала от отца и матери, сегодня случится с ней. Ее тело превратится в орган, наполненный необыкновенной музыкой. О, она знала, что будет больно. Первый раз всегда бывает больно. Но она сделает так, что Рон ничего не заметит. Она станет изо всех сил двигать задом, потому что мужчины не любят, когда женщины лежат под ними как мертвые. Когда Рон войдет в нее, она прикусит губу, чтобы не выдать боли, а если будет уж очень больно, начнет похотливо вскрикивать.

– Что?

Она повернулась к Рону и пришла в ужас, осознав, что кричала вслух.

– Я... я ничего не говорила.

⁵ Деловой район Чикаго.

- Но ты как-то смешно вскрикнула.
- Неужели? – Она принужденно рассмеялась.
- Ты за тридевять земель отсюда.

Она задумалась над этой фразой, и она ей не понравилась. Ей надо больше походить на Джин-Энн. Кэтрин взяла его под руку и придвинулась к нему.

- Я здесь, с тобой, – сказала она.

Она старалась придать глубину своему голосу, чтобы он звучал, как у Джин Артур в фильме «Обитатель равнин».

Рон смущенно посмотрел на нее и прочел на ее лице самое горячее расположение. «Лум Фонгз» оказался мрачным заурядным китайским рестораном, расположенным прямо под надземной железной дорогой. Им пришлось обедать под грохот проезжающих у них над головой поездов, от которого со звоном дрожали тарелки. Этот ресторан ничем не отличался от тысячи других китайских ресторанов, разбросанных по всей Америке, но Кэтрин до мельчайших подробностей изучала кабинку, в которой они сидели, стараясь запечатлеть в памяти дешевые пятнистые обои, фарфоровый чайник для заварки с отбитыми краями и пятна соевого соуса на столе.

К их столику подошел низкорослый официант китайского происхождения и спросил, не желают ли они чего-нибудь выпить. Кэтрин пробовала виски лишь несколько раз в жизни и ненавидела его. Однако сегодня для нее соединились все праздники – канун Нового года, День независимости и конец ее девственности. Не грех и отпраздновать такое событие.

- Мне коктейль с вишенкой.

Вишенкой! О Боже! Какое откровенное непреднамеренное признание!⁶

- Виски с содовой, – заказал Рон.

Официант согнулся в три погибели и удалился. Кэтрин задала себе вопрос: правда ли, что у восточных женщин косоугольный вход во влагалище?

– Не знаю, почему мы с тобой раньше не подружились, – удивлялся Рон. – Все говорят, что ты самая умная девушка в этом проклятом университете.

- Ты же знаешь, что люди склонны преувеличивать.
- И ты чертовски хороша.
- Спасибо.

Она попробовала заговорить голосом героини Кэтрин Хепберн из фильма «Элис Адамс» и многозначительно посмотрела ему в глаза. Она перестала быть Кэтрин Александер и превратилась в сексуальную машину. Кэтрин уже готовилась породниться с Мэй Уэст, Марлен Дитрих и Клеопатрой.

Официант принес спиртное, и Кэтрин на нервной почве залпом выпила его. Рон с удивлением наблюдал за ней.

- Не спеши, – предупредил он ее. – Это крепкая штука.
- Ничего, я выдержу, – самонадеянно заверила его Кэтрин.
- Повторить! – обратился Рон к официанту. Рон перегнулся через стол и погладил ей руку. – Забавно. В школе все тебя считали не такой.
- Чепуха! В школе меня никто толком не знал.

Он уставился на нее.

«Будь осторожнее, не умничай». Мужчины предпочитают класть к себе в постель женщин с чрезмерно развитыми молочными железами, огромными ягодичными мышцами и на редкость малым головным мозгом.

- Я уже давно... схожу по тебе с ума, – поспешила она признаться ему.

⁶ В английском языке одно и то же слово может означать «вишня» и «девственная плева».

– Но ты так здорово это скрывала. – Рон достал из кармана отданную ему Кэтрин записку и расправил ее. – Попробуй нашу кассиршу! – прочитал он вслух и рассмеялся.

Он стал поглаживать ладонями ее руку, и от его ласк у нее по телу пошли небольшие, но очень приятные волны. Ощущения точно совпадали с теми, что были описаны в маленьких зеленых книжечках. Возможно, после сегодняшней ночи она напишет учебное пособие об искусстве любви, чтобы просветить несчастных и глупых девственниц, не имеющих представления об этой стороне жизни. После второго бокала Кэтрин вдруг стало очень жаль их всех.

– Мне их так жалко!

– Ты это о ком?

Она опять заговорила вслух. Кэтрин набралась смелости и решила ничего не скрывать от Рона.

– Я жалею всех девственниц мира, – сказала она.

Глядя на Кэтрин, Рон улыбнулся:

– А я выпью за это.

Он поднял бокал. Она наблюдала за ним, сидя напротив, и пришла к выводу, что ему явно нравится в ее компании. Значит, ей не о чем беспокоиться. Все идет прекрасно. Рон спросил ее, не желает ли она выпить еще, но Кэтрин отказалась. Ей вовсе не хотелось лишиться невинности в состоянии сильного алкогольного опьянения. Интересно, говорит ли теперь еще кто-нибудь так старомодно – «лишиться невинности». Как бы там ни было, она собирается запомнить каждое мгновение, каждое ощущение этой волнующей ночи. О Боже! Она забыла о противозачаточном средстве! Догадается ли Рон сделать это? Разумеется, такой опытный человек, как он, всегда имеет при себе что-нибудь подобное и предохранит ее от беременности. А что, если он думает про нее то же и ждет такой же предусмотрительности с ее стороны? Конечно, он решил, что столь искушенная женщина, как Кэтрин Александер, наверняка позаботилась об этом. Может быть, просто взять и спросить его? Нет, она не посмеет. Ей легче умереть прямо здесь, за столом, чем отважиться на такое. Тогда ее труп вынесут из зала и устроят ей пышные китайские похороны.

Рон заказал обед из шести блюд стоимостью один доллар семьдесят пять центов. Кэтрин делала вид, что ест, но с таким же успехом могла жевать китайский картон. Она вдруг почувствовала такое напряжение, что полностью лишилась вкусовых ощущений. У нее неожиданно высох язык и онемело нёбо. «А что, если меня сейчас хватит удар?» Заниматься сексом после удара? Да ведь это убьет ее! Надо предупредить Рона. Если у него в постели обнаружат мертвую девушку, это сильно подорвет его репутацию. А может быть, наоборот, укрепит ее?

– Что с тобой? – спросил Рон. – Ты так побледнела.

– Ничего, я чувствую себя великолепно, – безрассудно ответила Кэтрин. – Я просто волнуюсь, потому что ты рядом со мной.

Рон одобрительно посмотрел на нее и долго не отрывал своих карих глаз от ее лица. Затем он перевел взгляд на ее груди и слегка задержался на них.

– Я чувствую то же самое, – сказал он.

Официант убрал со стола, и Рон заплатил по счету. Он взглянул на нее, и у нее отнялись ноги.

– Хочешь еще чего-нибудь? – спросил Рон.

«Хочу ли я? Да, конечно! Я хочу медленно плыть в Китай. Я хочу, чтобы какой-нибудь людоед сварил меня в своем котле и пообедал мной. Я хочу к маме!»

Рон смотрел на нее и ждал ответа. Она глубоко вздохнула и ответила:

– Я... я ни о чем не могу думать.

– Ладно.

Он произнес это слово медленно, по складам и так тщательно, что, казалось, собирался поставить между ними кровать прямо здесь, на столе.

– Пошли.

Он поднялся, и Кэтрин последовала за ним. Возбуждение от спиртного прошло, и у нее исчезло приподнятое настроение, в котором она пребывала за столом. У Кэтрин задрожали колени.

Они вышли на улицу. Был теплый осенний вечер. Кэтрин вдруг пришла в голову спасительная мысль: «Он не собирается класть меня в постель сегодня ночью. Мужчины никогда так не поступают при первом свидании. Он пригласит меня на обед еще раз. Тогда мы пойдем в «Энричи» и сможем получше познакомиться. Мы действительно узнаем друг друга. Возможно, он полюбит меня, а я его. У нас будет сумасшедшая любовь, он познакомит меня со своими родителями, и тогда ему будет хорошо... Я не стану так глупо впадать в панику».

– Какие мотели ты предпочитаешь? – спросил Рон.

Кэтрин уставилась на него, не в силах выговорить ни слова. Мечты о благородном, тихом, «музыкальном» вечере с его родителями мгновенно улетучились. Этот подлец собирается уложить ее в постель в мотеле! Но ведь этого-то она как раз и хотела? Разве не ради этого написала она свою идиотскую записку?

Теперь Рон положил Кэтрин руку на плечо и мягко опускал ее вниз, поглаживая ее кожу. Кэтрин почувствовала приятное ощущение в паху. Она сделала глотательное движение и сказала:

– Все мотели похожи один на другой.

Рон как-то странно посмотрел на нее. Потом он просто добавил:

– Ладно, тогда пошли.

Они сели в его машину и двинулись в западном направлении. Тело у Кэтрин заледенело, но мозг лихорадочно работал. Последний раз она останавливалась в мотеле в восьмилетнем возрасте, когда вместе с родителями пересекала страну из конца в конец. И вот сейчас она снова держит путь в мотель, чтобы лечь в постель с незнакомым человеком. В сущности, что она о нем знает? Только что он красив, пользуется популярностью и никогда не откажется переспать с женщиной, если та не против. Рон потянулся к ней и взял ее за руку.

– У тебя руки холодные, – сказал он.

– Холодные руки, горячие ноги.

«О Боже, что же я несу, – подумала она, – опять я выступаю». Кэтрин почему-то вспомнила слова старой песенки «О, сладкая тайна жизни». Теперь ей предстояло раскрыть эту тайну. Она едет с Роном в мотель, чтобы постичь ее до конца. В голове у Кэтрин проносились строки из книг, рекламных объявлений и весьма прозрачных стихов на сексуальные темы: «Покачай меня в люльке любви», «Прошу тебя, сделай мне это еще раз» и «Это делают птицы». Ну что ж, подумала она, *теперь и Кэтрин собирается сделать это*.

По обеим сторонам улицы мигали огромные красные огни и неоновые вывески, которые оживают по ночам, навязчиво зазывая нетерпеливых молодых любовников в дешевые и временные приюты. «МОТЕЛЬ ВЕСЕЛОГО ОТДЫХА», «НОЧНОЙ МОТЕЛЬ», «ГОСТИНИЦА “МИЛОСТИ ПРОСИМ”» и «ОТДЫХ ПУТНИКА» (название, которое теперь почему-то считалось фрейдистским!). Бросалось в глаза невероятное убожество воображения. Однако вполне возможно, что у владельцев этих заведений попросту не хватало времени на такие пустяки. Они едва успевали класть в постель молодые блудливые пары, а потом вынимать их оттуда. Тут уж не до литературной обработки.

– Вот, пожалуй, лучший из мотелей, – сказал Рон, показывая на светящуюся вывеску.

«ГОСТИНИЦА «РАЙ». ЕСТЬ СВОБОДНОЕ МЕСТО».

Как это символично! В раю освободилось место, и она, Кэтрин Александер, готовится занять его.

Рон въехал во двор и остановил машину у побеленного здания конторы с надписью на дверях: «Позвоните и входите». Во дворе было около двадцати пяти пронумерованных деревянных бунгало.

– Ну как, тебе нравится? – спросил Рон.

«Здесь как в дантовом аду; как в римском Колизее, когда там собираются бросить христиан на съедение львам; как в Дельфийском храме, где весталка с ужасом ждет своей участи».

Кэтрин вновь почувствовала приятное возбуждение в паху.

– Потрясающе! – ответила она. – Просто потрясающе!

Рон понимающе улыбнулся.

– Я сейчас вернусь.

Он положил руку на колено Кэтрин и погладил ее по бедру. Затем он быстро и бесстрастно поцеловал ее, выскочил из машины и помчался в контору. Кэтрин осталась сидеть в машине. Она смотрела ему вслед, стараясь ни о чем не думать.

Вдруг где-то вдаль она услышала вой сирены. О Боже, пришла она в ужас, это же облава! В подобных местах всегда устраивают облавы! Дверь конторы управляющего отворилась, и появился Рон. Он нес в руке ключи и, по-видимому, не обращал никакого внимания на сирену, которая выла все ближе и ближе. Рон подошел к машине с той стороны, где сидела Кэтрин, и открыл дверцу.

– Все в порядке, – сказал он.

Сирена надрывалась уже совсем рядом, и ее леденящий душу вопль приближался с ужасающей скоростью. Может полиция арестовать их только за то, что они въехали во двор?

– Пошли, – поторопил Рон Кэтрин.

– А этого ты что, не слышишь?

– О чем ты?

Звук сирены пронесся мимо них и раздавался теперь на другом конце улицы, удаляясь. О черт!

– Птицы, – слабым голосом произнесла Кэтрин.

Лицо Рона выражало нетерпение.

– Что-нибудь не так? – поинтересовался он.

– Нет, ничего, – поспешила ответить Кэтрин. – Я иду.

Она вылезла из машины, и они направились к одному из бунгало.

– Надеюсь, что тебе достался номер, который принесет мне счастье, – весело обратилась она к нему.

– Что ты сказала?

Кэтрин подняла голову, посмотрела на него и вдруг поняла, что ее попросту не было слышно. Во рту у нее пересохло.

– Ничего, – недовольно буркнула она.

Они подошли к двери, на ней красовался тринадцатый номер. Поделом тебе, Кэтрин! Этим небо предупреждает тебя, что ты забеременеешь. Бог решил наказать Святую Кэтрин.

Рон отпер дверь и открыл ее, пропуская Кэтрин вперед. Когда он зажег свет, Кэтрин вошла в комнату. Она не верила своим глазам. Создавалось впечатление, что все пространство занято огромной кроватью. Из другой мебели в комнате были только стоявшее в углу мягкое кресло неприглядного вида, небольшое трюмо и рядом с кроватью старое радио с приемной щелью для двадцатипятицентовых монет. Попав в такую комнату, никто ни на секунду не усомнится в ее назначении – это помещение, куда молодые люди приводят девушек для удовлетворения своих половых потребностей. Здесь не скажешь: «Ну вот, мы наконец попали на лыжную базу», или «Мы находимся в зале для военных игр», или «Мы въехали в номер для молодоженов отеля “Амбассадор”». Нет, это просто дешевое любовное гнездышко. Кэтрин повернулась, чтобы посмотреть, что делает Рон. Он закрывал дверь на задвижку. Прекрасно. Если вдруг

нагрянет полиция нравов, ей придется ломать дверь. Кэтрин тут же представила себе, как двое дюжих полицейских выносят ее, голую, из номера, а в это время предприимчивый фотограф делает снимок, который потом появится на первой полосе газеты «Чикаго дейли ньюс».

Рон подошел к Кэтрин и обнял ее.

– Ты нервничаешь? – спросил он.

Она подняла на него глаза и выдавила из себя смех.

– Нервничаю? Не будь идиотом!

Он продолжал изучающе смотреть на нее, подозревая в неискренности.

– Ты ведь занималась этим раньше, да, Кэти?

– Я не веду записей.

– Весь вечер у меня к тебе какое-то странное отношение.

«Ну вот и наступило самое страшное. Из-за моей проклятой девственности он возьмет меня за жопу и вышвырнет ко всем чертям. Но я не допущу этого. По крайней мере сегодня ночью».

– Какое отношение?

– Сам не знаю. – У Рона в голосе чувствовалась растерянность. – Иногда ты бываешь очень сексуальной; ну, понимаешь, у тебя есть физическое обаяние, «изюминка», а иногда ты где-то далеко-далеко и холодна как лед. В тебе как бы живут два человека. Так кто же из них настоящая Кэтрин Александер?

«Та, что холодна как лед», – машинально призналась себе Кэтрин. А вслух сказала:

– Сейчас я тебе это покажу.

Она обняла его и поцеловала в губы. В нос ей ударил запах только что съеденного яйца по-китайски.

Рон сильнее прижался к ней губами и крепче притянул ее к себе. Он взял в руки ее груди и стал ласкать их, одновременно стараясь поглубже проникнуть языком ей в рот. Кэтрин почувствовала, что где-то внизу у нее стало горячо и мокро и что ее трусики пропитываются влагой. Наконец-то, подумала она. Теперь это сбудется! Наверняка сбудется! Она еще крепче обняла его, и ее охватило растущее, почти невыносимое волнение.

– Давай разденемся, – предложил Рон хриплым голосом. Он отодвинулся от нее и стал снимать пиджак.

– Подожди, – сказала она. – Можно, я сама тебя раздену?

У нее появилась небывалая уверенность. В эту замечательнейшую из ночей она не поведет. Она вспомнит все, что читала и слышала о сексе. Когда Рон вернется в университет, ему не придется рассказывать девушкам, что он занимался любовью с маленькой глупой девственницей. Пусть у Кэтрин не такая большая грудь, как у Джин-Энн. Зато мозги у Кэтрин работают в десять раз лучше, и она воспользуется этим, чтобы доставить Рону удовольствие в постели. Он с ума сойдет от наслаждения. Кэтрин сняла с него пиджак и потянулась за галстуком.

– Подожди, – попросил Рон. – Я хочу посмотреть, как ты раздеваешься.

Кэтрин уставилась на него, сделала глотательное движение, медленно расстегнула молнию и сняла платье. Она осталась в лифчике, комбинации, чулках и туфлях.

– Продолжай.

Секунду она колебалась, а потом через голову сняла комбинацию. Львы выигрывают у христиан со счетом два ноль, подумала Кэтрин.

– Здорово! Давай дальше.

Кэтрин медленно села на кровать и не спеша стала снимать туфли и чулки, стараясь выглядеть при этом как можно сексуальнее. Вдруг она почувствовала, что Рон стоит у нее за спиной и расстегивает лифчик. Кэтрин не сопротивлялась, и лифчик упал на кровать. Рон поднял Кэтрин с постели, поставил ее на ноги и принялся стаскивать с нее трусики. Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Ей почему-то захотелось быть сейчас где-нибудь в другом месте

с другим мужчиной, с человеком, которого она бы любила и который любил бы ее, от которого она родила бы чудесных детей, носящих его фамилию, который боролся бы за нее и был готов отдать за нее жизнь и для которого она стала бы обожающей его помощницей. Шлюхой в постели, величайшим кулинаром на кухне и очаровательной хозяйкой в гостиной. Ей хотелось быть с мужчиной, который убил бы любого сукина сына вроде Рона Питерсона, если бы тот посмел привести ее в эту сальную, унижительную дыру. Ее трусики упали на пол. Кэтрин открыла глаза.

Рон не отрываясь смотрел на нее, и лицо его выражало восхищение.

– Боже мой, Кэти, какая ты красивая! – воскликнул он. – Ты потрясающе красивая!

Он наклонился и поцеловал ее грудь. В это время Кэтрин случайно взглянула в зеркало трюмо. То, что она увидела, отдавало французским фарсом, отвратительным и грязным. Все, кроме возбуждающей боли в паху, говорило ей, что происходящее ужасно, безобразно и неверно, но дороги назад не было. Рон стал срывать с себя галстук, а затем расстегивать рубашку. От лихорадочных усилий у него покраснело лицо. Он расстегнул пояс и снял брюки. Оставшись в трусах, он сел на кровать и принялся скидывать ботинки с носками.

– Серьезно, Кэтрин, – сказал он очень взволнованно, – ты самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел.

Его слова лишь усилили охватившую Кэтрин панику. Рон поднялся на ноги и улыбнулся широкой, предвкушающей удовольствие улыбкой. Затем он сбросил трусы на пол. Его мужской орган напоминал огромный, вздувшийся батон колбасы салями, обрамленный волосами. Это была самая огромная и невероятная штука, виденная Кэтрин за всю ее жизнь.

– Ну как, нравится тебе это? – спросил он, глядя на свой член с нескрываемой гордостью.

Она машинально заметила:

– Кладется на хлеб. Не забудьте салат и горчицу.

Кэтрин стояла и смотрела, как опускается предмет его гордости.

Когда Кэтрин училась на втором курсе университета, обстановка в студенческом городке изменилась.

Теперь здесь стало расти беспокойство по поводу событий в Европе. Все больше людей понимали, что Америка не останется в стороне. Мечта Гитлера о тысячелетнем правлении третьего рейха приобретала зримые черты. Фашисты захватили Данию и вторглись в Норвегию.

В последнее полугодие во всех американских университетах говорили уже не о сексе, одежде и танцевальных вечерах, а о службе подготовки офицеров резерва, призыве в армию и ленд-лизе. В студенческих городках росло число молодых людей в армейской и военно-морской форме.

Как-то раз одноклассница Кэтрин по школе Суси Робертс остановила ее в коридоре.

– Хочу попрощаться с тобой, Кэти. Я уезжаю.

– Куда?

– В Клондайк.

– Клондайк?

– В Вашингтон, что в округе Колумбия. Все девушки отправляются туда на поиски золота. Они говорят, что на каждую девушку там не меньше сотни мужчин. Мне нравится такое соотношение. – Она посмотрела на Кэтрин. – Чего тебе здесь прозябать? Университет – это ж сплошная скука. А там – огромные возможности.

– Я не могу сейчас уехать, – ответила ей Кэтрин. Правда, она сама не знала почему. В Чикаго ее ничто не держит. Она регулярно переписывается с отцом, который живет в Омахе, и один-два раза в месяц говорит с ним по телефону. И после каждого разговора с отцом у нее бывает такое чувство, будто он сидит в тюрьме.

Кэтрин жила теперь самостоятельно. Чем больше она думала о Вашингтоне, тем заманчивее он ей казался. В тот же вечер Кэтрин позвонила отцу и сказала ему, что собирается уйти из университета, чтобы поступить на работу в Вашингтоне. Он спросил ее, нет ли у нее желания приехать в Омагу, но по его тону она почувствовала, что сам он отнюдь не жаждет этого. Ей бы не хотелось, подобно отцу, попасться в ловушку.

На следующее утро Кэтрин зашла в деканат и сообщила, что бросает учебу. Она послала телеграмму Суси Робертс и на завтра поездом отправилась в Вашингтон.

4

Ноэль

Париж, 1940 год

В субботу, 14 июня 1940 года, германская армия вошла в потрясенный Париж. «Линия Мажино» не спасла Францию. Страна осталась беззащитной перед лицом Германии, обладавшей самой мощной в мире военной машиной.

Этот день начался с того, что над городом повисла непонятная серая пелена, какое-то страшное облако неизвестного происхождения. За двое суток до этого тишина Парижа была нарушена грохотом артиллерийского огня. На время он затихал, но вскоре возобновлялся с новой силой. Залпы орудий раздавались где-то за городом, но их эхо отдавалось в самом сердце Парижа. По городу поползли самые разные слухи. Их сообщали по радио, печатали в газетах и передавали друг другу. Боши высадились на французском побережье... Лондон полностью разрушен... Гитлер договорился с английским правительством... Немцы собираются уничтожить Париж новой смертоносной бомбой... Поначалу каждый новый слух принимался за чистую монету и вызывал панику. Однако постоянно возникающие кризисные ситуации измотали парижан. Они стали спокойнее относиться к возможным опасностям. Людей столько пугали всякими ужасами, что восприятие притупилось. Париж как бы впал в летаргический сон и спрятался в защитную раковину апатии. Мельница слухов перемолола все. Перестали выходить газеты. Замолчало радио. Их заменило человеческое чутье. Парижане почувствовали, что все решится сегодня. Серое облако – это вещий знак.

И немецкая саранча налетела на город.

Внезапно Париж заполонили чужестранцы в незнакомой военной форме, говорящие на непонятном гортанном языке. Одни из них ехали по широким, окаймленным деревьями улицам в больших «мерседесах», украшенных нацистскими флагами. Другие расталкивали людей на принадлежащих им с этого дня тротуарах. Это и вправду были сверхчеловеки. Им судьбой начертано завоевать весь мир и установить мировое господство.

Через две недели город нельзя было узнать. Повсюду появились немецкие надписи и вывески. Статуи национальных героев Франции были сброшены с пьедесталов, и на всех административных зданиях развевались знамена со свастикой. Стремление немцев искоренить все французское доходило до абсурда. Даже на водопроводных кранах французские слова *chaud* и *froid*⁷ заменили на *heiß* и *kalt*⁸. Нацистская солдатня взорвала памятники Лафайету, Нею и Клеберу. На могилах теперь писали: «*Gefallen für Deutschland*»⁹.

Немецкие оккупанты весело проводили время. Обилие французских блюд, подаваемых под множеством соусов, приятно отличалось от военного пайка. Солдаты не знали и не хотели знать, что Париж – это город Бодлера, Дюма и Мольера. Боши воспринимали его как яркую, щедрую, размалеванную шлюху, высоко задравшую юбку, и они изнасиловали ее, каждый по-своему. Штурмовики заставляли французских девушек ложиться с ними в постель, иногда даже под угрозой смерти. Германские руководители типа Геринга и Гимmlера изнасиловали Лувр и богатые частные коллекции, которые с ненасытной жадностью конфисковывали у новоиспеченных врагов рейха.

⁷ Горячий и холодный (*фр.*).

⁸ Горячий и холодный (*нем.*).

⁹ Павшим за Германию (*нем.*).

В период этого кризиса широкие масштабы во Франции приобрели коррупция и оппортунизм. Но и героизм народа достиг небывалого размаха. Важным секретным оружием подполья стало управление пожарной охраны, которое во Франции находилось в ведении армии. Немцы конфисковали у французов десятки зданий и использовали их для нужд армии, гестапо и различных министерств. Местонахождение этих зданий, разумеется, ни для кого не было секретом. В подпольном штабе Сопротивления в Сен-Реми тщательно изучили по карте расположение каждого из них. Затем боевикам давались конкретные задания. На следующий день мимо нужного объекта проезжала машина или на вид совершенно безобидный велосипедист, и в окно немецкого учреждения бросалась самодельная бомба. Разрушения от нее оказывались небольшими. Однако вся хитрость состояла в том, что следовало дальше.

Немцы вызывали пожарную команду, чтобы погасить огонь. При пожаре во всем мире принято полностью доверяться специалистам. В этом смысле Париж не был исключением. Пожарные врываются в здание и с помощью брандспойта и топора крушат все вокруг, используя, если позволяли обстоятельства, и собственные зажигательные бомбы. Таким образом подполью удавалось уничтожать бесценные немецкие документы, хранившиеся в штабах вермахта и гестапо. Высокому германскому командованию понадобилось шесть месяцев, чтобы сообразить, в чем дело, но к этому времени немцам уже был нанесен непоправимый ущерб.

В городе не хватало всего, от еды до мыла. Не было бензина, мяса и молочных продуктов. Немцы конфисковывали любой товар. Магазины, торгующие предметами роскоши, оставались открытыми, но их посещали только солдаты, которые расплачивались оккупационными марками. Они ничем не отличались от обычных, если не считать отсутствия белой полоски по краям и подписи под обязательством о возмещении их стоимости.

– Кто же обменяет их нам? – жаловались владельцы французских магазинов.

На это немцы издевательски отвечали:

– Английский банк.

Однако страдали не все французы. Те, у кого были деньги и связи, всегда могли воспользоваться черным рынком.

В условиях оккупации жизнь Ноэль Паж мало изменилась. Она работала манекенщицей в фирме «Шанель» в старинном здании на рю Канбон. Оно было построено из серого камня и снаружи выглядело совсем обычным, но внутри было оформлено богато и красиво. На войнах наживаются многие. И в этой войне появилось немало людей, мгновенно ставших миллионерами. Так что клиентов хватало. Никогда Ноэль не получала столько предложений; только теперь ей их делали в основном на немецком. Когда Ноэль не была занята на работе, она часами просиживала в небольших открытых кафе на Елисейских полях или на левом берегу Сены недалеко от Пон-Неф. Мимо проходили сотни мужчин в немецкой форме, и десятки из них прогуливались с молодыми француженками. Попадались и французы, но в основном старые или хромые, и Ноэль полагала, что всех молодых французов отправили в лагеря или мобилизовали. Она с первого взгляда могла распознать немца, даже если он и не носил военной формы. У всех немцев были невежественные и наглые лица. Такие лица типичны для всех завоевателей начиная с античных времен. Нельзя сказать, чтобы Ноэль ненавидела немцев, но и любить их она тоже не могла. Они просто были ей безразличны.

Ноэль жила напряженной внутренней жизнью и тщательно взвешивала каждый свой шаг. Она точно знала, чего добивается, и твердо шла к своей цели. Как только у нее завелись деньги, она наняла частного детектива, занимавшегося бракоразводным делом одной из манекенщиц, вместе с которой Ноэль работала. Детектива звали Кристиан Барбе, и он обычно сидел в крохотной, обветшалой конторе на рю Сен-Лазар. На двери конторы висела табличка: «ЧАСТНЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. РОЗЫСК. СВЕДЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА. СЛЕЖКА. УЛИКИ».

Табличка была едва ли не больше двери. Барбе оказался лысым коротышкой с узкими косыми глазами и изъеденными никотином пальцами.

– Что я могу для вас сделать? – спросил он Ноэль.

– Мне нужна информация об одном человеке, находящемся в Англии.

Барбе подозрительно прищурился:

– Какая информация?

– Любая. Женат ли он, с кем встречается. Все, что угодно. Я собираюсь завести на него свое досье.

Барбе уставился на нее.

– Он англичанин?

– Американец. Он – летчик «Орлиной эскадрильи» английских ВВС.

Барбе провел рукой по лысине. Чувствовалось, что он не в своей тарелке.

– Не знаю, – проворчал он. – Сейчас идет война. Если они поймают меня во время сбора информации о летчике, который служит в Англии... – Он замолчал и выразительно пожал плечами. – Немцы сначала стреляют, а уж потом задают вопросы.

– Мне не нужна информация военного характера, – заверила его Ноэль. Она открыла сумочку и вынула пачку франковых купюр. Барбе вождеденно посмотрел на них.

– У меня есть связи в Англии, – начал он осторожно, – но это будет дорого стоить.

Вот так все и началось. Коротышка детектив позвонил ей только через три месяца. Она отправилась к нему в контору и сразу же спросила:

– Он жив?

Когда Барбе утвердительно кивнул головой, Ноэль вздохнула с облегчением и расслабилась. Взглянув на нее, Барбе подумал: как, наверное, хорошо иметь человека, который тебя так сильно любит.

– Вашего друга перевели в другую часть, – сообщил Барбе.

– Какую?

Барбе посмотрел в блокнот, лежащий у него на столе.

– Он был в 609-й эскадрилье английских ВВС. Его перевели в 121-ю эскадрилью в Мартльшэм-Ист, Восточная Англия. Он летает на «харрикейне»...

– Меня это не интересует.

– Но вы же платите за это, – удивился он. – За свои деньги вы могли бы получить самую подробную информацию. – Барбе снова заглянул в блокнот. – Он летает на «харрикейне». До этого он летал на «америкэн буффало». – Барбе перевернул страницу и добавил: – Дальше идет личное.

– Продолжайте, – приказала ему Ноэль.

Барбе пожал плечами.

– Здесь у меня перечень девиц, с которыми он спит. Не знаю, хотите ли вы знать...

– Я же сказала вам – любые сведения.

Она говорила каким-то странным тоном, и это озадачило Барбе. Тут что-то не вязалось одно с другим; проглядывал какой-то обман. Кристиан Барбе был третьесортным сыщиком, обслуживавшим третьесортных клиентов. Именно поэтому у него выработалось безошибочное чутье на правду, умение добывать факты. Красивая девушка, сидевшая у него в конторе, сбивала его с толку. Сначала Барбе подумал, что, пожалуй, она собирается втянуть его в шпионаж. Затем он решил, что Ноэль просто брошенная жена, намеревавшаяся получить доказательства против своего мужа. Вскоре Барбе убедился, что и эта версия ошибочна, и теперь терялся в догадках, чего же хочет его клиентка и почему. Он протянул Ноэль перечень подружек Ларри Дугласа и наблюдал за ней, пока она читала. Ноэль оставалась абсолютно спокойной. С таким же успехом она могла просматривать квитанцию из прачечной.

Ноэль покончила со списком любовниц Ларри и взглянула на Барбе. Ее слова оказались для него полной неожиданностью.

– Я очень довольна, – сказала Ноэль.

Он уставился на нее, моргая от растерянности.

– Пожалуйста, позвоните мне, когда у вас будут новые сведения.

После того как Ноэль ушла, Кристиан Барбе еще долго сидел у себя в конторе и, глядя в окно, ломал голову над тем, что же на самом деле нужно его клиентке.

* * *

В Париже возобновилась театральная жизнь, и театры вновь были переполнены. Немцы ходили туда, чтобы отпраздновать свои славные победы и похвастаться красивыми французками, с которыми обращались как с трофеями. Французы посещали театры, чтобы хоть на несколько часов забыть о несчастьях и поражениях.

В Марселе Ноэль несколько раз была в театре, но там ставили наскоро состряпанные любительские спектакли в исполнении бездарных артистов. Однако марсельцам было безразлично, что смотреть, и они не обращали внимания на плохое качество пьес и низкий уровень исполнения. Парижские театры не имели ничего общего с марсельскими. Здесь все было одушевлено живостью постановок и замечательным мастерством актеров, разыгрывавших умные и изящные пьесы. Несравненный Саша Гитри открыл свой театр, и Ноэль отправилась посмотреть на него, когда возобновилась постановка пьесы Бюхнера «Смерть Дантона». Потом побывала там еще раз на премьере пьесы «Асмодей», написанной молодым многообещающим автором по имени Франсуа Мориак. Она посещала и «Комеди Франсез», где давали «У каждого своя правда» Пиранделло и «Сирано де Бержерак» Ростана. Ноэль всегда ходила в театр одна и оставалась равнодушной к тому, что сидевшие в зале мужчины бросали на нее восхищенные взгляды. Она так увлекалась действием, что ей не было дела до окружающих. Драма, развертывавшаяся на сцене, волновала ее. Подобно актерам, Ноэль тоже играла роль, выдавая себя за другую и скрывая свое истинное «я» под маской перевоплощения.

Особенно глубокое впечатление произвела на нее пьеса Жан-Поля Сартра «При закрытых дверях». Там играл покоровивший всю Европу Филипп Сорель. Внешне он был безобразен, мал ростом и мясист, лицом напоминал боксера. Его сломанный нос лишь довершал сходство. Однако стоило Сорелю открыть рот, как свершалось чудо. Он превращался в тонко чувствующего и красивого человека. Как в сказке о принце и лягушке, подумала Ноэль. Только Сорель был одновременно и тем и другим. Она стала приходить на все его спектакли и, сидя в первом ряду, изучала, как он играет, пытаясь разгадать тайну его магнетизма.

Во время одного из вечерних спектаклей к Ноэль подошел билетер и передал ей записку, где было сказано: «Каждый вечер я вижу вас в зале. Прошу вас, зайдите за кулисы после спектакля и позвольте мне встретиться с вами. Ф.С.» Ноэль с наслаждением перечитала записку; но не потому, что испытывала к Сорелю какие-то чувства. Просто она знала, что сбывается то, к чему она стремилась.

После спектакля она отправилась за кулисы. Какой-то старик, стоявший у прохода на сцену, провел ее в уборную Сореля. Он сидел перед зеркалом в одних трусах и разгримировывался. Глядя в зеркало, он изучал Ноэль.

– Невероятно! – наконец заговорил он. – Вблизи вы еще красивее.

– Благодарю вас, месье Сорель.

– Откуда вы?

– Из Марселя.

Сорель повернулся кругом, чтобы получше рассмотреть ее. Он медленно обвел Ноэль глазами с ног до головы и не упустил ничего. Несмотря на его пристальный взгляд, она не шелохнулась.

– Ищете работу? – спросил Сорель.

– Нет.

– Я никогда за это не плачу, – пояснил он. – От меня вы сможете получить лишь контрамарку на мои спектакли. Если вам нужны деньги, переспите с банкиром.

Ноэль стояла и молча наблюдала за ним. Наконец Сорель спросил:

– Так чего же вы добиваетесь?

– Полагаю, что вас.

Они поужинали и отправились домой к Сорелю, который жил на красивой рю Морис Барр. Окна его квартиры выходили на ту часть улицы, где она переходит в Булонский лес. Сорель был опытным и искусным любовником, на удивление чутким и неэгоистичным. Ему не было нужно от Ноэль ничего, кроме ее красоты, но Филипп был поражен ее разнообразием в постели.

– Боже мой! – удивлялся он. – Ты просто потрясающа! Где ты научилась всему этому?

На секунду Ноэль задумалась. Дело тут, конечно, не в учебе, а в чувствах. Для нее мужское тело было чем-то вроде музыкального инструмента, на котором она играла. Нужно добиться глубины его звучания, отыскать в нем те заветные струны, на которых с помощью своего собственного тела можно сыграть все и таким образом добиться полной гармонии.

– Это у меня от рождения, – просто ответила она.

Она стала слегка поигрывать кончиками пальцев вокруг его губ, едва касаясь их, словно бабочка крыльями, потом опустила пальцы вниз, ему на грудь и, наконец, дошла до живота. Сорель снова возбудился, его орган опять вырос и затвердел. Ноэль встала, пошла в ванную и через несколько секунд вернулась. Затем взяла его напряженный член в рот. Во рту у нее было горячо. Она набрала туда теплой воды.

– О Боже! – застонал Сорель.

Они занимались любовью всю ночь, а утром Сорель предложил Ноэль переехать к нему.

Ноэль прожила с Филиппом Сорелем полгода. Нельзя сказать, чтобы она была счастлива, но и несчастной ее тоже было не назвать. Она знала, что ее пребывание у Сореля обернулось для него высшим счастьем, но для самой Ноэль это ничего не значило. Она просто считала себя студенткой, которая каждый день выучивала что-нибудь новое. Сорель послужил ей своеобразным университетом, но он составлял лишь малую часть ее обширного плана. Для Ноэль в их отношениях не было ничего личного, потому что она не отдавала ему и ничтожной частицы своего «я». Ноэль уже дважды становилась жертвой мужчин и больше не попадет на их удочку. В ее мыслях оставалось место только для одного мужчины – Ларри Дугласа. Когда Ноэль находилась в тех местах, которые они посещали вместе с Ларри – на площади Победы, в каком-нибудь парке или ресторане, – в сердце у нее закипала ненависть, ее душила злоба, и она задыхалась. К этой ненависти добавлялось еще что-то, чему она не находила названия.

Через два месяца после того, как Ноэль переехала к Сорелю, ей позвонил Кристиан Барбе.

– У меня для вас новые сведения, – информировал детектив-коротышка.

– С ним все в порядке? – тут же спросила Ноэль.

Барбе опять почувствовал себя не в своей тарелке.

– Да, – ответил он.

Голос Ноэль вновь стал спокойным:

– Я сейчас подъеду.

Барбе разделил свои сведения на две части. Первая относилась к военной карьере Ларри Дугласа. Он сбил пять немецких самолетов и стал первым американским асом в этой войне. Его повысили в звании, сделав капитаном. Вторая часть сведений интересовала Ноэль гораздо больше. Ларри снискал себе популярность компанейского парня в лондонском обществе и обручился с дочерью английского адмирала. Далее следовал перечень девиц, с которыми Ларри спал, от никому не известных статисток до молоденькой жены заместителя министра.

– Вы хотите, чтобы я продолжал заниматься этим? – спросил Барбе.

– Конечно, – ответила Ноэль. Она вынула из сумочки конверт и вручила его Барбе. – Позвоните мне, когда узнаете что-нибудь новое.

И она ушла.

Барбе вздохнул и посмотрел в потолок.

– Ненормальная, – задумчиво произнес он вслух. – Ненормальная.

Если бы Филипп имел хоть малейшее представление о замыслах Ноэль, он был бы поражен. Казалось, что она безгранично предана ему. Она делала для него все – готовила очень вкусную еду, ходила за покупками, следила за чистотой в квартире и, стоило ему только захотеть, всегда занималась с ним любовью. Сорель радовался, что нашел идеальную любовницу. Он повсюду брал ее с собой, и она познакомилась со всеми его друзьями. Они восхищались Ноэль и считали, что Сорелю страшно повезло.

Однажды за ужином после спектакля Ноэль сказала ему:

– Филипп, я хочу быть актрисой.

Он отрицательно покачал головой.

– Конечно, ты достаточно красива для этого, но я провел среди актрис всю жизнь и сыт ими по горло. Я рад, что ты не похожа на них, и лучше оставайся такой, как есть. Я не хочу ни с кем делиться тобой. Разве я не даю тебе всего, что нужно?

– Даешь, Филипп, – ответила Ноэль.

Когда в тот вечер они вернулись домой, Сорель предложил ей заняться любовью. Ноэль превзошла себя, и у него просто не осталось сил. Никогда еще она не была столь волнующей. Сорель поздравил себя и решил, что все, что нужно Ноэль, это твердая мужская рука.

В следующее воскресенье у Ноэль был день рождения. По этому случаю Сорель устроил в ее честь обед у «Максима». Он снял большой банкетный зал на верхнем этаже, отделанный красным бархатом и деревом ценных пород. Ноэль помогала ему составить список гостей и тайне от него включила туда одного человека. На обеде присутствовало сорок гостей. Когда обед закончился, Сорель поднялся, чтобы сказать несколько слов присутствующим. Он выпил много коньяку и шампанского, поэтому не слишком твердо держался на ногах и с некоторым трудом выговаривал слова.

– Друзья мои, – начал он. – Сегодня все мы пили за здоровье самой красивой девушки в мире, и вы дарили ей прекрасные подарки. Но у меня есть для нее свой подарок, который будет для нее огромным сюрпризом. – Филипп посмотрел на Ноэль и широко улыбнулся, а затем вновь повернулся к гостям. – Мы с Ноэль собираемся пожениться.

Все шумно приветствовали эту новость, бросились к Сорелю с поздравлениями, хлопали его по спине и желали удачи ему и его будущей жене. Ноэль сидела, улыбалась гостям и бормотала слова благодарности. Лишь один гость оставался на месте. Он находился в другом конце зала, курил вставленную в длинный мундштук сигарету и издевательски поглядывал на все происходящее. Ноэль знала, что он наблюдал за ней во время обеда. Это был высокий, очень худой человек с напряженным, задумчивым лицом. Казалось, его забавляла сцена обеда, на котором он мало походил на гостя, а скорее, присутствовал как сторонний наблюдатель.

Ноэль встретила с ним взглядом и улыбнулась.

Арман Готье был одним из ведущих режиссеров Франции. Он заведовал художественной частью Французского репертуарного театра, и его режиссурой восхищались во всем мире. Если Готье брался за постановку фильма или спектакля, им заранее был обеспечен успех. За ним закрепилась репутация режиссера, который лучше других умеет работать с актрисами, и он уже создал пять-шесть звезд.

Филипп сидел рядом с Ноэль и беседовал с ней.

– Ты удивлена, дорогая? – спросил он.

– Да, Филипп, – ответила она.

– Я хочу, чтобы мы поженились немедленно. Свадьба состоится на моей вилле.

Через плечо Ноэль увидела, что наблюдавший за ней Арман Готье улыбается своей загадочной улыбкой. К Сорелю подошли друзья и увели его с собой, и, повернувшись, Ноэль оказалась лицом к лицу с Готье.

– Поздравляю, – сказал он. В его голосе звучала насмешка. – Вы поймали на крючок крупную рыбу.

– Неужели?

– Филипп Сорель – это богатый улов.

– Для кого-то, может, и богатый, – безразлично заметила Ноэль.

Готье удивленно посмотрел на нее:

– Вы что, хотите сказать, что вас не интересует его предложение?

– Вам я ничего не хочу сказать.

– Ну что ж, желаю удачи.

Он повернулся и пошел прочь.

– Месье Готье...

Он остановился.

– Можно увидеться с вами сегодня вечером? – спросила Ноэль тихим голосом. – Мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

Арман Готье на какое-то мгновение задержал на ней взгляд, а затем пожал плечами.

– Как вам будет угодно.

– Я приду к вам. Это удобно?

– Конечно. Мой адрес...

– Я знаю адрес. В двенадцать часов вас устраивает?

– Давайте в двенадцать.

Арман Готье жил в модном старом жилом доме на рю Марбеф. Привратник проводил Ноэль в холл, а мальчик-лифтер довез ее до четвертого этажа и показал, где находится квартира Готье. Ноэль позвонила. Через несколько секунд дверь открыл сам Готье. Он был в халате с цветочным узором.

– Входите, – сказал он.

Ноэль вошла в квартиру. Несмотря на то что у нее не было достаточной эстетической подготовки, она все же почувствовала, что квартира отделана со вкусом и что произведения искусства в ней дорогие.

– Простите, я не одет, – извинился Готье. – Я все время сидел на телефоне.

Ноэль посмотрела ему прямо в глаза.

– Вам и не нужно одеваться. – Она подошла к кушетке и села на нее.

Готье улыбнулся:

– У меня как раз и было такое чувство, что мне не стоит этого делать, мадемуазель Паж. Но кое-что все-таки вызывает у меня любопытство. Почему вы выбрали меня? Вы обручены с известным и богатым человеком. Я уверен, что, если бы вам пришла охота поразвлечься на

стороне, вы могли бы найти себе более привлекательных мужчин, чем я, и уж, конечно, богаче и моложе. Что вы от меня-то хотите?

– Я хочу, чтобы вы научили меня актерскому мастерству, – ответила Ноэль.

Арман Готье бросил на нее короткий взгляд и вздохнул:

– Вы меня разочаровываете. Я ожидал чего-то более оригинального.

– Вы работаете с актерами.

– С актерами, а не с любителями. Вы когда-нибудь играли на сцене?

– Нет, но вы научите меня.

Ноэль сняла шляпу и перчатки.

– Где у вас спальня? – спросила она.

Готье колебался. В его жизни было полно красивых женщин, желающих попасть на сцену, получить роль получше и побольше, сыграть героиню в новой пьесе или обрести уборную больших размеров. Все они ему надоели. Он знал, что глупо связываться еще с одной. Однако тут и связываться-то не нужно было. Красивая девушка пришла сама и готова броситься ему в объятия. Довольно просто уложить ее в постель, а затем отослать прочь.

– Спальня там, – ответил он, показывая на дверь ближайшей комнаты.

Он смотрел, как Ноэль направляется к спальне. Интересно, что бы подумал Филипп Сорель, если бы знал, что его будущая жена сейчас проводит здесь ночь. Женщины... Все они шлюхи. Готье налил себе коньяку и сделал несколько телефонных звонков. Когда он наконец вошел в спальню, Ноэль лежала на кровати. Она полностью разделась и ждала его. Готье пришлось признаться себе, что природа создала Ноэль по всем законам красоты. У нее было потрясающее лицо и безукоризненное тело. По собственному опыту Готье знал, что красивые девушки почти всегда любят себя, очень эгоцентричны и не вызывают восторга в постели. Он понимал, что, когда занимаешься с ними любовью, они просто-напросто ограничиваются своим присутствием в объятиях мужчины, и в конце концов создается впечатление, что имеешь дело с бесчувственным бревном. Такие женщины просто лежат без движения, полагая, что мужчина должен быть бесконечно благодарен им уже за это. Может, хоть Ноэль ему удастся чему-то научить в постели.

Ноэль наблюдала, как Готье разделся, тщательно сложил на полу одежду и двинулся к кровати.

– Я не собираюсь говорить тебе, что ты красива, – сказал он. – Ты уже столько раз слышала об этом.

Ноэль пожала плечами:

– Красота пропадает даром, если не приносит другим удовольствия.

Готье удивленно взглянул на нее и улыбнулся:

– Согласен. Пусть твоя красота принесет мне удовольствие.

Он сел с ней рядом.

Подобно большинству французов, Арман Готье считал себя искусным любовником и гордился этим. Его забавляли бесконечные рассказы о том, как немцы и американцы занимаются любовью. По их представлениям, мужчина должен быстро забраться на женщину, мгновенно кончить, надеть шляпу и откланяться. У американцев даже есть присказка на этот счет: «Трам-тарарам, спасибо, мадам». Если Арман Готье испытывал какие-то чувства к женщине, он пользовался многочисленными приемами, позволяющими превратить половую связь в истинное наслаждение. Он приглашал женщину на шикарный обед и угощал ее изысканными винами, проявлял вкус в оформлении спальни, создавал в ней приятные запахи, включал мягкую, спокойную, мелодичную музыку. Готье возбуждал подругу проявлением нежности, а потом еще больше распал ее, прибегая к непристойному языку самых грязных притонов. Он был горячим сторонником предварительных ласк перед половым сношением.

В случае с Ноэль Готье отказался от всего этого. Ради одной случайной ночи не стоило прибегать к дорогим духам, музыке и телячьим нежностям. Девушка здесь просто для того, чтобы ее трахнули. Она действительно непроходимая дура, если надеется, что он отдаст ей свой величайший и уникальный талант в обмен на то, что есть между ног у каждой женщины.

Готье стал ложиться на нее. Ноэль его остановила.

– Подождите, – шепнула она.

Он недоуменно посмотрел на девушку. Ноэль потянулась за двумя небольшими тюбиками, которые заранее положила на ночной столик. Она выдавила содержимое одного из них себе на ладонь и стала втирать его в пенис Готье.

– К чему это? – удивился он.

Она улыбнулась.

– Увидите сами.

Ноэль поцеловала его в губы, пробираясь языком к нему в рот быстрыми птичьими движениями. Она оторвалась от его губ и, лаская Готье языком, стала опускать голову вниз к его животу. При этом волосы Ноэль упали на его тело, и у него было такое чувство, что кто-то трогает его мягкими, шелковистыми, волшебными пальцами. Он заметил, что его орган начал подниматься. Ноэль повела языком ему по ногам и, дойдя донизу, принялась посасывать большие пальцы его ног. Теперь его член был тверд и прям до предела, и, не дав Готье опомниться, Ноэль оседлала его. Когда он входил в нее, теплота ее влагилица соединилась с кремом, который Ноэль нанесла ему на пенис, и Готье охватило невыносимое возбуждение. Скача на нем как бешеная, Ноэль успевала левой рукой ласкать его мошонку, которая начала гореть. В содержимое крема на его пенисе входил ментол, дающий ощущение холода, которое в сочетании с ее теплом и пылом мошонки приводило его в неистовство.

Они провели в любовных играх всю ночь, причем каждый раз Ноэль отдавалась ему поновому. Это был самый небывалый чувственный опыт в его жизни.

Утром Арман Готье сказал ей:

– Если у меня хватит сил встать, я оденусь и отведу тебя завтракать.

– Оставайтесь в постели, – предложила ему Ноэль.

Она подошла к стенному шкафу, выбрала один из его халатов и надела его.

– Отдыхайте. Я скоро вернусь.

Когда Ноэль вновь появилась в спальне, она несла на подносе завтрак, состоявший из свежего апельсинового сока, необыкновенно аппетитного омлета с колбасой и луком, подогретых и намазанных маслом кусочков хлеба, джема и черного кофе. На вид завтрак очень понравился Готье.

– А ты не хочешь поесть? – спросил он.

Ноэль отрицательно покачала головой:

– Нет.

Она уселась в мягкое кресло и стала смотреть, как он завтракает. В его открытом сверху халате, обнажавшем изгибы ее прелестной груди, и с взъерошенными, распушенными волосами Ноэль выглядела еще красивее, чем ночью.

Арман Готье коренным образом изменил свое первоначальное мнение о Ноэль. Нет, она вовсе не подстилка для мужчин. Это – бесценное сокровище. Однако на своем театральном веку он повидал немало сокровищ и не намерен тратить драгоценное время и режиссерский талант на жаждущую попасть на сцену непрофессионалку с лучистыми глазами, какой бы красавицей она ни была и как бы ни проявляла себя в постели. Готье был глубоко предан театру и серьезно относился к своему искусству. Он и раньше не шел на компромиссы, а теперь уж и подавно не уступит.

Накануне вечером он рассчитывал провести с Ноэль ночь, а утром избавиться от нее. Сейчас, когда он ел ее завтрак и изучал ее, Готье вдруг подумал о том, как бы удержать Ноэль

у себя в любовницах до тех пор, пока она ему не надоест, не поощряя ее стремления поступить на сцену. Он понимал, что должен чем-то завлечь ее, и осторожно приступил к делу.

– Ты собираешься выйти замуж за Филиппа Сореля? – спросил Готье.

– Конечно, нет, – ответила Ноэль. – Я не этого хочу.

Ну вот, начинается.

– Чего же ты хочешь? – поинтересовался он.

– Я уже говорила вам, – спокойно ответила Ноэль. – Хочу стать актрисой.

– Конечно, – согласился он, а затем добавил: – У меня есть много знакомых, которые преподают сценическое мастерство. Я могу отправить тебя к кому-нибудь из них, и они научат тебя, Ноэль...

– Нет, – перебила она его.

Ноэль смотрела на него добродушно и тепло, всем своим видом показывая, что всегда готова согласиться с ним. Тем не менее Готье чувствовал, что она полна решимости и тверда как сталь. Слово «нет» можно произнести на разные лады – со злобой, упреком, разочарованием и недовольством. Ноэль сказала его мягко, но было совершенно ясно, что она не отступится. Все оказалось намного труднее, чем он ожидал. В какой-то момент у Армана Готье появился соблазн послать ее к черту. Ведь он часто так поступал со многими девицами. Взять и сказать, что у него нет на нее времени. Но он тут же вспомнил те небывалые ощущения, которые он испытал ночью, и решил, что будет последним дураком, если отпустит ее так скоро. Конечно, ради нее можно слегка пойти на попятный, но не поддаваться целиком.

– Ну ладно, – согласился Готье. – Я дам тебе пьесу. Ты ознакомишься с ней и, когда выучишь наизусть, прочтешь ее мне, а я посмотрю, есть ли у тебя дарование. После этого мы решим, что с тобой делать.

– Спасибо, Арман, – поблагодарила его Ноэль.

Однако в ее благодарности не чувствовалось ни радости победы, ни удовольствия. Она принимала это как должное. Впервые у Готье появилось легкое сомнение, но он постарался отмахнуться от него как от смехотворной слабости. Ведь он же умеет обращаться с женщинами.

Пока Ноэль одевалась, Арман Готье отправился в свой уставленный книгами кабинет и быстро просмотрел стоявшие на полках знакомые и залистанные тома. Наконец, саркастически улыбаясь, он выбрал «Андромаху» Еврипида, одну из труднейших для любой актрисы классических пьес.

– Вот, держи, моя дорогая, – сказал он Ноэль. – Когда выучишь роль, мы с тобой займемся ею вместе.

– Спасибо, Арман. Вы не пожалеете об этом.

Чем больше он думал о своей уловке, тем веселее ему становилось. Ноэль понадобится неделя или даже две, чтобы выучить роль. Скорее всего она просто придет к нему и признается, что не в состоянии запомнить столько текста. Готье посочувствует ей, объяснит, насколько трудна актерская работа, и у них установятся отношения, не омраченные стремлением попасть на сцену. Вечером Готье сказал Ноэль, какого числа он сможет пообедать с ней, и она ушла.

Когда Ноэль вернулась в квартиру, в которой жила вместе с Филиппом Сорелем, он ждал ее там. Сорель был сильно пьян.

– Сука! – заорал он на нее. – Где ты провела ночь?

Ему было все равно, что она ему ответит. Сорель знал, что выслушает ее оправдания, поьет ее, уложит в постель и простит.

Однако вместо оправданий Ноэль прямо заявила ему:

– С другим мужчиной, Филипп. Я пришла забрать свои вещи.

Пораженный Сорель с недоверием посмотрел на Ноэль, а она отправилась в спальню упаковывать чемодан.

– Ради Бога, Ноэль, не делай этого! – умолял он ее. – Ведь мы же любим друг друга. Мы поженимся.

Он уговаривал ее еще полчаса, приводя всевозможные доводы, угрожая, лстя и умасливая. За это время Ноэль собрала вещи и ушла, а Сорель так и не понял, почему лишился ее. Он попросту не знал, что никогда и не владел ею.

Арман Готье лихорадочно готовил постановку новой пьесы, премьеры которой должна была состояться через две недели. Весь день он провел в театре на репетиции. Когда Готье работал над пьесой, он не мог думать ни о чем другом. Его гений до некоторой степени объяснялся его умением сосредоточиться на том, что он собирался ставить. В этот период для него существовали только помещение театра и репетировавшие в нем актеры. Однако сегодняшний день отличался от всех остальных. Готье никак не мог выбросить из головы Ноэль и проведенную с ней прекрасную ночь. Актеры исполняли какую-нибудь сцену, а потом ждали от него замечаний, но Готье вдруг обнаружил, что не обращает на них внимания. Разозлившись на себя, он старался сконцентрироваться на работе, но воспоминания о нагом теле Ноэль и тех поразительных вещах, которые она проделывала с ним, постоянно приходили ему на память. В середине какой-то драматической сцены он вдруг с ужасом заметил, что с эрекцией разгуливает вдоль рампы.

Своим аналитическим умом Готье пытался постичь, что же в этой девушке произвело на него такое огромное впечатление. Ноэль красива. Но ведь ему приходилось спать с некоторыми из самых красивых женщин мира. Она на редкость искусна в постели, но он знал и других женщин, которые обладали этим качеством. Она умна, но не гениальна. С ней приятно иметь дело, но ее духовный мир не так уж богат. Нет, тут было нечто другое, чего он никак не мог определить. Он вспомнил ее мягкое «нет» и понял, что нашел разгадку. В ней чувствовалась какая-то непонятная сила, перед которой нельзя устоять. Именно благодаря этой силе она способна добиться всего, чего пожелает. В ней было что-то такое, к чему нельзя прикасаться. Подобно другим мужчинам, Арман Готье понимал, что Ноэль задела его гораздо сильнее, чем он думал. Раньше у него не хватало духу признаться себе в этом. Он остался ей совершенно безразличен, и его мужское самолюбие было уязвлено.

Весь день Готье провел в смятении. Со страшным нетерпением ждал он вечера, но отнюдь не из желания переспать с ней. Просто Готье хотелось доказать себе, что он делает из мухи слона. Он жаждал разочароваться в Ноэль и выбросить ее из своей жизни.

Когда в тот вечер они занимались любовью, Арман Готье намеренно обращал внимание на все уловки, трюки и приемы Ноэль, чтобы убедить себя, что ее влияние на него ограничивается механическим воздействием и не затрагивает ее чувств. Но он ошибся. Она отдавалась ему вся без остатка, заботясь только о том, чтобы ему было хорошо, и никогда в жизни он не получал такого удовольствия. Он испытал высшую радость. Когда наступило утро, Готье был еще больше околдован ею.

Ноэль опять приготовила ему завтрак. На этот раз она подала ему нежнейшие блины с беконом и джемом и горячий кофе. Завтрак оказался замечательным.

Ну хорошо, убеждал себя Готье, ты нашел себе красивую девушку, которая радуется глаз, прекрасно готовит и изобретательна в постели. Bravo! Но достаточно ли этого для умного мужчины? Когда ты переспал с ней и поел, надо же и поговорить. Ну что она может мне сказать? И сам себе ответил, что, в сущности, это не имеет значения.

О пьесе больше не упоминалось, и Готье надеялся, что Ноэль либо забыла о ней, либо не сумела выучить текст. Когда наутро она ушла, то пообещала вечером пообедать с ним.

– Ты можешь бросить Филиппа? – спросил Готье.

– Я уже ушла от него, – просто ответила Ноэль.

Секунду он пристально смотрел на нее, а затем сказал:

– Понял.

Но он не понял. Ничего не понял.

Ночь они тоже провели вместе. В основном они занимались любовью, а в промежутках беседовали. Ноэль проявляла к нему такой интерес, что он вдруг заговорил о том, чего не касался долгие годы. Он рассказал Ноэль о многих сугубо личных подробностях своей жизни. Этим он не делился еще ни с кем. О пьесе, которую он дал ей прочесть, по-прежнему не заходило речи, и Готье поздравил себя с тем, что так ловко решил проблему.

Вечером следующего дня, когда они поужинали, Готье пошел в спальню.

– Подожди, – остановила его Ноэль.

Он повернулся и удивленно посмотрел на нее.

– Ты обещал, что послушаешь пьесу в моем исполнении.

– Да, конечно, – заикаясь, согласился Готье. – В любое время, когда ты будешь готова.

– Я готова.

Он отрицательно покачал головой.

– Я не хочу, чтобы ты ее читала, дорогая, – возразил он. – Я собираюсь послушать тебя, когда ты выучишь ее наизусть. Тогда я смогу посмотреть, какая ты актриса.

– Я выучила ее наизусть, – ошаршила его Ноэль.

Он взглянул на нее с недоверием. Не может быть, чтобы она выучила всю роль за три дня.

– Ты готов меня слушать? – спросила она.

У Армана не оставалось выбора.

– Конечно, – ответил он. Жестом Готье показал на середину комнаты. – Здесь будет твоя сцена. А зрительным залом стану я.

Он уселся на большое и удобное канапе. Ноэль начала исполнять пьесу. У Готье тело покрылось гусиной кожей. Верный признак того, что исполнение было на уровне. Он всегда так реагировал на истинный талант. Не то чтобы Ноэль сразу проявила качества зрелой актрисы. Совсем наоборот. В каждом ее движении, в каждом жесте сквозила неопытность. Но в ней было нечто большее, чем просто умение. Ноэль подкупала редкой искренностью исполнения, природным талантом, которые придавали каждой реплике новое звучание и окраску.

Когда Ноэль закончила монолог, Готье сказал ей от всего сердца:

– Думаю, что когда-нибудь ты станешь знаменитой актрисой, Ноэль. Я говорю серьезно. Я собираюсь отправить тебя к Жоржу Фаберу. Это лучший педагог по части драматического искусства во всей Франции. Занимаясь с ним, ты сумеешь...

– Нет.

Он удивился. Опять это мягкое «нет». Твердое и окончательное.

– Что нет? – спросил Готье в некотором замешательстве. – Фабер не берет всех подряд. Он занимается только с ведущими актерами. Он возьмет тебя лишь потому, что я попрошу его об этом.

– Я собираюсь заниматься с тобой, – заявила Ноэль.

Готье почувствовал, что в душе у него закипает злоба.

– Я не занимаюсь подготовкой актеров, – огрызнулся он. – Я не педагог. Я работаю с профессионалами. Когда ты станешь профессиональной актрисой, тогда я стану работать с тобой. Тебе понятно?

Ноэль утвердительно кивнула:

– Да, Арман, я понимаю.

– Вот и хорошо.

Он смягчился и обнял Ноэль. В ответ она горячо поцеловала его. Теперь Готье знал, что волновался напрасно. Ноэль ничем не отличается от остальных женщин. Она любит, чтобы ею командовали. Больше у него не будет с ней проблем.

Ночью они занимались любовью, и Ноэль превзошла себя. Готье полагал, что, возможно, на нее возбуждающе подействовала та легкая ссора, которая произошла у них днем.

Той же ночью он сказал ей:

– Ноэль, ты можешь стать замечательной актрисой. И тогда я буду очень гордиться тобой.

– Спасибо, Арман, – прошептала она.

Утром Ноэль приготовила завтрак, и Готье отправился в театр. Когда днем он позвонил ей, никто не ответил. Вернувшись вечером домой, он не застал ее. Готье долго ждал ее возвращения и, поскольку она так и не пришла, всю ночь не сомкнул глаз, думая, что с ней случилось несчастье. Он пробовал звонить ей на квартиру, но и там не взяли трубку. Он послал телеграмму, но она вернулась назад, и, когда после репетиции он пошел к Ноэль домой, никто не открыл ему дверь.

Всю следующую неделю Готье прожил как в лихорадке. На репетициях у него ничего не получалось. Он кричал на актеров и окончательно вывел их из равновесия. Тогда второй режиссер предложил прерваться на денек и немного успокоиться. Готье согласился. После того как актеры ушли, он, сидя на сцене в одиночестве, пытался разобраться, что же с ним произошло, и пришел к выводу, что Ноэль просто обычная баба, дешевая, честолюбивая блондинка с душой продавщицы, задумавшая стать звездой. Про себя Готье пытался очернить ее, но вскоре убедился, что это бессмысленно. Он должен вернуть ее. Всю ночь режиссер бродил по парижским улицам, заходил в небольшие бары, где его никто не знал, и напивался. Он ломал себе голову, как найти Ноэль, но ничего не придумал. Он даже не знал ни одного человека, с которым можно было бы поговорить о ней. Разве что с Филиппом Сорелем. Нет, об этом не могло быть и речи.

Через неделю после исчезновения Ноэль Арман Готье вернулся домой в четыре часа утра. Он был пьян. Открыв дверь и войдя в гостиную, Готье увидел, что там горит свет. В одном из мягких кресел в его халате с книгой в руке, свернувшись калачиком, расположилась Ноэль. Она взглянула на него и улыбнулась:

– Привет, Арман.

Готье уставился на нее. От радости у него сильно забило сердце. Он почувствовал огромное облегчение и был бесконечно счастлив.

– Завтра начинаем занятия, – сказал он.

5

Кэтрин Вашингтон, 1940 год

Вашингтон, округ Колумбия, показался Кэтрин Александер самым волнующим городом из всех, которые она когда-либо видела. Она всегда считала Чикаго сердцем страны. Однако Вашингтон явился для нее откровением. Вот где сердцевина Америки, в этом пульсирующем центре власти! Поначалу Кэтрин была озадачена тем, что в городе так много людей в самой разной военной форме – армейской, авиации, флота, морской пехоты... Впервые Кэтрин почувствовала, что зловещая угроза войны превращается в суровую реальность.

В Вашингтоне все напоминало о войне. Если США вступят в нее, то она начнется в этом городе. Здесь ее объявят, издадут приказ о мобилизации и станут руководить военными действиями. Судьба всего мира находилась в руках Вашингтона. И она, Кэтрин Александер, не собиралась оставаться в стороне.

Она поселилась у Суси Робертс, которая жила на пятом этаже дома без лифта, в светлой и симпатичной квартире с довольно просторной гостиной, двумя прилегающими к ней небольшими спальнями, крохотной ванной комнатой и микроскопической кухней. Суси, по-видимому, обрадовалась ей и сразу же сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.